

Сергей Протасов

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Сергей Протасов

Цусимские хроники. Чужие берега

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Протасов С. А.

Цусимские хроники. Чужие берега / С. А. Протасов —
«Издательство АСТ», 2019 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-117646-4

Пусть все получилось не совсем так, как планировалось, но все же действия, предпринятые Рожественским после прорыва эскадры во Владивосток, оказались успешными. Но этого мало... Враг не сдастся. И воевать дальше по принципу «сила силу ломит» уже нельзя. К тому же, несмотря на все победы, в столице много тех, кто считает, что достались они слишком дорогой ценой. Но останавливаться на достигнутом тоже нельзя! В этой ситуации Тихоокеанский флот вынужден искать новые способы ведения морской войны. Не имея возможности одолеть противника в прямом противостоянии, приходится искать его уязвимые места и бить только по ним. Теперь определяющим становится не «кто кого побьет», а «кто кого передумает». И все пути снова ведут к Цусиме.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117646-4

© Протасов С. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД	6
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Протасов

Цусимские хроники: Чужие берега

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 163

© Сергей Протасов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД

*...Еще три часа мы плясали
Под музыку взрывов!
И шли броненосцы проливом,
Волна за волной!
И тряпки шипели на раскаленных стволах
Всех калибров!
Казалось нам,
Целую жизнь продолжается бой!*

Слова из песни

Глава 1

Уже спустя два дня после боя у Цусима-зунда русские достаточно надежно обосновались на Цусиме. Все населенные пункты, находящиеся почти исключительно в прибрежных бухточках, были прочесаны пехотой и десантными отрядами с кораблей. При этом удалось взять живьем только двоих совсем юных мичманов, найденных ранеными в хижинах рыбаков в бессознательном состоянии, да нескольких рядовых из пехоты и матросов, пытавшихся укрыться у местных жителей.

Не менее трех десятков японских солдат и несколько младших пехотных офицеров были убиты в перестрелках, порой вспыхивавших в ходе осмотра деревень, или покончили с собой, чтобы не попасть в плен. Наши потери оказались больше, так как всячески старались не задеть местных, из-за чего нарывались на выстрелы из-за угла.

По причине явной малочисленности гарнизона было очень важно добиться максимальной лояльности мирных жителей, ведь некоторые из них еще наверняка помнили давние визиты русских кораблей. Благодаря этому имелись шансы наладить добрососедские отношения. Старожилы могли сравнить их с визитами тех же англичан. Отличия в стиле ведения переговоров у наших моряков и у «просвещенных мореплавателей» тогда были весьма серьезными¹. Правда теперь англичане – союзники Японии, а мы – враги, так что, как поведут себя подданные князя Со, еще было неизвестно.

¹ Из-за своего географического положения Цусима всегда привлекала европейцев. В 1855 г. английское судно «Сарацин» произвело гидрографическую съемку островов Цусима. Японский историк Синтаро Накамура в книге «Японцы и русские» писал: «Английский консул в Хакодате в „Памятной записке” сообщил: „Для нас срочной необходимостью является захват Цусимы и превращение ее в остров Перим”» (английская военно-морская база на юге Красного моря). В это время Россия тоже активно продвигалась на восток. И эти планы ее весьма беспокоили, поскольку обладание Цусимой англичанами могло серьезно осложнить морское сообщение с еще не освоенными дальневосточными землями. А нормальной дороги по суше туда тогда не было. Исходя из этих соображений, в начале 1861 г. на Цусиму был отправлен корвет «Посадник» под командованием капитана первого ранга Бирилева. Прибыв в Озаки, Бирилев обратился к местным властям с просьбой о предоставлении подходящей бухты для ремонта. Было необходимо заменить фок-мачту и осмотреть и починить руль и дейдвудную трубу. Русские и японцы обменялись дарами. Японцы подарили одно то (около 18 литров) саке и двадцать кур, а русские – ружье, бинокль и европейское вино. Вскоре был озвучен и вопрос о возможной аренде части территории для основания морской станции. Но русский корабль пришел на Цусиму уже после англичан. В 1859 г., после «Сарацина», корабль «Ворд» вошел в бухту Имосаки, где его командир потребовал от властей открыть порты для английских судов. Произошли стычки с местным населением, закончившиеся гибелью нескольких чиновников и селян, несколько человек были ранены. После чего англичане, пополнив запасы, ушли. Возможно, по этой причине, когда «Посадник» перешел из Озаки в Имосаки, местное население пыталось препятствовать высадке. При произошедшем столкновении погиб один из крестьян, а еще двое были взяты в плен. В ходе дальнейшего пребывания русских на Цусиме в течение нескольких месяцев конфликтов не было. Вместе с русскими работали японские плотники. Японцы сами показывали лучшие деревья для валки, помогали во всех работах. Их учили

С аборигенами в любом случае предстояли сложности, связанные с неизбежным ограничением их мореходства, вызванным соображениями секретности. Из-за гористого рельефа островов, делавшего пригодным к земледелию лишь незначительные участки земли в долинах и на некоторых склонах, кормились здешние жители преимущественно рыбой и всем прочим, что добывали в море. Теперь же рыболовство разрешалось только во внутренних акваториях, уверенно контролируемых с разворачиваемой сети сигнальных постов.

Недостаток в продуктах питания, который при этом обязательно должен возникнуть, предполагалось компенсировать крупами и зерном. Однако из-за больших потерь в грузах этот вопрос еще только предстояло решить в перспективе за счет трофеев с перехваченных в море судов или за счет подвоза из Владивостока, либо перенаправления части судов со снабжением, шедших на Дальний Восток из Европы и Азии на новые земли.

Береговая черта Цусимы большей частью извилиста, с множеством бухт, бухточек, прибрежных ущелий и гротов, весьма сложная для контролирования. С моря из-за рядов невысоких гор с круглыми, плотно заросшими лесом вершинами Цусимские острова напоминают спину спящего древнего азиатского дракона, какими их изображают китайцы и японцы. Но благодаря нескольким доминирующим и приметным вершинам, с моря ориентироваться довольно просто.

Ничего особо примечательного в ходе осмотра территории обнаружено не было. Как и следовало ожидать, от основанного экипажем корвета «Посадник» более четырех десятков лет назад русского поселения в бухте Имосаки почти ничего не осталось. Склады леса давно израсходовали на свои нужды местные, а изрядно обветшавшие бараки использовались время от времени рыбаками, не утруждавшими себя их ремонтом и ограничивавшимися лишь латанием крыши. Видимо, совершенно иная конструкция всего строения, не вписывающаяся в местную архитектуру, пришлось им не по душе.

Вообще же архитектура во всех поселениях Цусимы оказалась откровенно бедной, даже можно сказать, убогой. Причем это не только в рыбацких деревушках или поселках, но и в довольно крупных городках. Хоть какой-то интерес среди массы преимущественно деревянных местных строений вызвали величественные древние противопожарные стены столицы княжества Цусима Идзухары. Возведенные бог знает сколько веков назад из камня, они должны были предотвращать распространение огня между кварталами.

Несмотря на изрядную запущенность и кажущуюся ветхость, эти сооружения, широко использовавшиеся японцами при обороне последнего их оплота на Цусимских островах, выстояли даже под огнем современной артиллерии, в том числе и флотских калибров. Хотя, конечно, не без ущерба. Все-таки выдержать прямое попадание двенадцатидюймовой стальной бомбы, выпущенной всего с двух миль, не способна даже бетонная стена, не то что старая, размытая дождями и раскочанная растительностью, каменная кладка.

Сама бухта, на берегах которой расположена Идзухара, небольшая, но довольно живописная. Она имеет сравнительно широкий вход, более трех кабельтовых между мысами Торазаки и Яразаки, нависающими над водой крутыми густо-зелеными сопками. Причем южный мыс, Торазаки, гораздо массивнее.

пользоваться более совершенным и мощным, чем у них, кузнечным и другим инструментом, а также современным оружием и подарили несколько пушек из вооружения гребных судов. Но под давлением Англии и Франции русские с Цусимы ушли, оставив в бухте Имосаки кузню со всем оборудованием, начатую пристань в 20 футов шириной и другие постройки, а также склады заготовленного леса. Представители правящего на Цусиме клана Со обещали сохранить это все в целостности. После ухода русских и англичане отказались от планов на Цусимские острова. Эти события детально описывает историк Накамура в книге «Японцы и русские», в отличие от многих современных трактовок цусимского инцидента в интернете, не упуская из вида «некоторых маленьких деталей». А что касается методов, то именно так тогда и расширялись империи. Только русские, в отличие от европейцев, не изобретали концлагерей для резкого сокращения численности воинственного местного населения и принимали в своей столице японские делегации не как представителей полукOLONIALной страны.

От входа виден круто поднимающийся вверх западный берег бухты, с возвышающейся над ним горой. И только войдя в нее саму, открываются южный и северный рукава, заканчивающиеся небольшими долинами впадающих в бухту рек, отгороженных от моря рядами горушек. Северная река по местным меркам довольно крупная. В ее устье и находится Идзухара. Еще одна, гораздо меньше, с юга. Там тоже какое-то селение, даже с несколькими улицами, неизменно выходящими к деревянным пристаням. Расстояние между этими устьями чуть меньше мили.

Благодаря своей форме и высоким гористым берегам, бухта напоминает миниатюрный фиорд. Вода почти пресная. Много рыбы, довольно крупной, буквально высывающейся из воды. Но самой главной достопримечательностью этой гавани, несомненно, стал затонувший за мысом Торасаки японский пароход, потопленный нашими подводниками. Его борта с полностью облезшей краской и прогнувшиеся от жара бимсы, оставшиеся от палубы после того, как ее деревянный настил сторел, буквально притягивали к себе внимание всех русских, кто появлялся здесь. Но их было не много. Основная жизнь кипела в Озаки и Такесики.

У входа в Цусима-зунд развернули серьезные строительные работы. Уцелевшую пару 240-миллиметровых пушек привели в полный порядок, оснастив дальномером системы Петрушевского с современной связью. Орудийные дворики тщательно замаскировали и защитили траверзными и тыловыми прикрытиями из бревен, покрытых железом, и такой же крышей. Подобную защиту получили и пути подачи боезапаса с командным постом.

Не став восстанавливать остальные японские батареи, доказавшие свою низкую эффективность, матросы и саперные части пехоты в кратчайшие сроки отрыли котлованы в каменистом грунте и соорудили деревянные основания под шестидюймовые пушки системы Канэ, доставленные на борту пароходов «Калхас» и «Джина». К вечеру 22 июня они уже закончили установку шести таких орудий на вершине холма у мыса Камасусаки. Их позиции разместили таким образом, чтобы обеспечить максимальные углы обстрела в направлении от северо-восточных до южных румбов, откуда могли появиться японцы. Часть пушек вообще имела круговой сектор обстрела.

Пробные залпы этой батареи, прогремевшие в вечерних сумерках, были замечены с японского дозорного крейсера «Акаси», державшегося в восьми милях западнее. Об этом он по радиотелеграфу сообщил в Фузан и Мозампо, а уже оттуда, снова по радио, была извещена крепость Бакан, а через нее и Главная Квартира. Все эти телеграммы, перехваченные нашими станциями, были разобраны довольно быстро.

Японцы не знали, что орудия стояли на позициях, обнесенных временными брустверами из валунов и мелкого камня, сложенными безо всякого раствора, не имели погребов боезапаса, жилья и укрытий для расчетов, а командный пункт размещался в небольшом окопчике, обложенном булыжниками и прикрытом сверху навесом из жердей и парусины. Зато имелся полноценный дальномер и телефонная связь с сигнальными постами и соседними позициями береговой обороны. В случае необходимости можно было напрямую связаться даже со штабом.

К обеду следующего дня отстреляла пробные залпы такая же батарея на мысе Гоосаки. Сразу занялись составлением таблиц согласования взаимодействия с трофейной тяжелой батареей, для пушек которой под завалами нашли японские пристрелочные карты. Развернутые у самого уреза воды трехдюймовые противоминоносные батареи были готовы к открытию огня еще раньше. В дальнейшем велись активные работы по обустройству и усилению этих позиций.

Кроме того, под четыре 120-миллиметровые пушки и три трехдюймовки с «Изумруда», которые удалось восстановить после взрыва и пожара, начали сооружать батарею на мысе Эбосизаки, для прикрытия входа в Цусима-зунд и рейда Озаки.

«Владимир Мономах» обзавелся, кроме противоторпедной защиты, еще и импровизированным волноломом из двух выгоревших небольших каботажников, затопленных у его борта со стороны моря. Их корпуса заполнили камнем, а загоравшие обзор надстройки срезали.

На палубах крейсера из мешков с песком и колосников устроили дополнительные прикрытия орудий, отчасти компенсировав так и недополученные в ходе модернизации щиты. Подобную защиту получили пути подачи боезапаса, пожарные магистрали и другие боевые посты. Поскольку плотно сидящий на грунте почти без крена крейсер был теперь не восприимчив к перегрузке, баррикады соорудили вполне основательные. Материала для этих работ на берегу было достаточно.

Командир был отправлен в госпиталь, развернутый в Озаки, и быстро шел на поправку. Правда, обратно на корабль не рвался. Командовал «Мономахом» теперь старший офицер капитан второго ранга Ермаков. Под его руководством провели основную и резервную телефонные линии для связи с берегом и штабом, согласовали взаимодействие с остальными батареями, а также выполнили ремонт фундаментов всех вновь переставленных шестидюймовок.

Выяснилось, что их детали, выполненные в строгом соответствии с чертежами, частично были собраны на болты. Ими наживляли всю конструкцию до окончательной сборки. После резьбу предполагалось заменить клепками, но по недосмотру в спешке этого не сделали. От выстрелов гайки быстро слабели, из-за чего весь фундамент терял устойчивость.

Поскольку испытания артиллерии после ремонта ограничились несколькими залпами на предельных углах возвышения орудий, не выявивших остаточных деформаций, своевременно это обнаружено не было. Только после боя, когда стали выяснять причину появившихся при стрельбе вибраций, все вскрылось. Заменить болты клепками сейчас возможности не было, так что все гайки просто протянули заново, законтрогаив для надежности.

Инцидент, имевший место на мостике «Урала», огласке не предавали, указав в документах причину гибели командира крейсера «осколок снаряда». Но на совещании штаба, посвященном этому вопросу, заслушав свидетелей, решили в дальнейшем в приказном порядке обязать всех командиров кораблей проходить регулярное психологическое обследование. Командовать «Уралом» поставили бывшего старшего офицера погибшего «Изумруда» капитана второго ранга Паттон-Фаттона-де-Верайона, чье ранение в руку оказалось не опасным.

На входе в бухту Миура, на северной и южной оконечностях острова Коросима, в кратчайшие сроки развернули противоминоносные батареи из скорострельных 75-миллиметровых флотских пушек с круговым сектором обстрела. Устроили защитные боны, а на обращенных к Цусиме склонах – батарею поддержки из восьми старых 107-миллиметровых пушек на переделанных под большие углы возвышения станках и другие укрепления.

Подходы пристреляли со всех позиций, что позволяло встречать приближающегося противника сосредоточенным огнем еще до того, как он сможет наблюдать расположение орудий. Фортификации района Миура находились под единым командованием мичмана Панаева с крейсера «Россия». Они защищали стоянку барж с углем, водой и бензином, организованную в глубине бухты, которой постоянно пользовались наши миноносцы и подводные лодки.

Батареи Миура дважды отражали попытки прорыва японских легких сил на внутренний рейд бухты. При этом юный мичман, едва закончивший обучение в Морском корпусе, но успевший досконально изучить «Последние наставления по управлению артиллерийским огнем с использованием современных средств связи», изданные очень ограниченным тиражом кустарным способом во Владивостоке после прихода флота, блестяще показал себя как организатор мобильной береговой обороны.

Используя для отражения нападений огонь не только задействованных в бою позиций, но и с противоположного прорыву мыса, он добивался сосредоточения массированного огня скорострельной артиллерии всеми имевшимися в распоряжении видами боеприпасов, исходя из ситуации, на наиболее опасных направлениях. В результате его действий у японцев сложилось мнение, что в бухте Миура несут дежурство крупные корабли, усиливающие береговую оборону этой передовой базы, что не позволило в итоге проникнуть на ее внутренний рейд.

Протока Кусухо была надежно заперта противодесантной батареей, размещенной на ее повороте, в ложбине. Это делало позиции артиллеристов недоступными для огня с моря, позволяя в то же время простреливать с прямой наводки продольным огнем отрезок протоки, длиной почти полмили. Этот участок считался непреодолимым еще и потому, что был перекрыт тремя рядами надежных минированных боновых заграждений, разводимых при необходимости дежурным катером.

С развертыванием береговой обороны получившие значительные повреждения большие эскадренные броненосцы вывели в резерв и поставили в ремонт. Предварительные проекты восстановления для каждого из пострадавших кораблей были подготовлены заранее. Также предварительно начали заготовку материалов и всего необходимого, используя привезенный с собой задел и трофейные запасы. Поэтому работы сразу развернулись в полную силу и продвигались весьма успешно.

Поскольку основной набор корпуса не пострадал, ограничились восстановлением дымоходов, систем вентиляции котельных и машинных отделений, а также артиллерии. Пробоины в бортах заделывали наложением заплат из тонких стальных листов внахлест, без замены поврежденных участков обшивки. Внутренние ремонтные работы сводились к восстановлению герметичности водонепроницаемых переборок, дверей, люков и горловин, для чего широко применяли бетон. На большее не было времени, да и возможности «Камчатки» и отбитых у японцев портов были далеко не безграничны.

Левое машинное отделение на «Бородино» полностью восстановили, благодаря круглосуточной работе машинной команды броненосца и специально сформированной бригады базы Озаки. Поскольку, своевременно остановив машину, удалось избежать серьезного повреждения ее трущихся частей попавшими осколками, трудоемкой полной разборки не потребовалось. Полностью очистить ее от посторонних предметов, частично перебрать, подогнать и притереть все сопрягаемые движущиеся части удалось уже через трое суток. А спустя еще девятнадцать часов машину отладили как швейцарские часы.

Броненосцы Небогатова и Йессена, сохранившие боеспособность, использовали сначала как подвижный резерв, но в море они почти не выходили и приняли участие лишь в подавлении остатков японской обороны на островах; после этого три дня занимались переборкой механизмов, стоя на рейде Озаки, рядом с плавмастерской «Камчатка». К этому времени оборону входа в Цусима-зунд уже полностью возложили на новые береговые батареи и «Мономаха».

Боезапас на всех кораблях был принят по усиленной норме, что почти полностью исчерпало запасы для скорострельной артиллерии на борту «Анадыря». Тяжелых снарядов также оставалось совсем немного. Двенадцатидюймовых только 56 штук. Из них почти половина сегментных. А десятидюймовых – 72 бомбы закаленного чугуна да полсотни сегментных. Полноценные бронебой и фугасы для «ушаковцев» все были уже в погребах броненосцев. Зато девятидюймовых для второстепенного калибра «Николая» после восполнения убыли оставался еще почти полный комплект. Но это исключительно благодаря тому, что перед выходом из Владивостока исполнили приказ заместителя на получение дополнительного боезапаса с девятидюймовых мортирных батарей, изъяв оттуда абсолютно все найденные современные стальные фугасы.

Сложности с дальнейшим наполнением погребов становились очередной потенциальной проблемой, каких уже набирался целый ворох. Существенного пополнения снарядного парка ждать в ближайшее время не приходилось, поскольку, покидая базу, из арсеналов было взято все до железки, что предназначалось флоту, и большая часть того, что флоту не предназначалось, но могло быть им использовано.

Это было совершенно необходимо, поскольку интенсивные артиллерийские учения во время стоянки в базе обошлись почти в четыре тысячи шестидюймовых выстрелов только из скорострельных пушек, что вылилось в итоге еще и в замену артиллерии главного калибра

«Богатыря». Кроме того, были расстреляны до упора почти половина орудий среднекалиберных батарей «Наварина» и «Нахимова», стоившие еще почти трех с половиной тысяч шестидюймовых снарядов и восьми стволов старых шестидюймовок. Для их замены были взяты пушки с разоруженных барж-плавбатарей.

Это далеко перекрывало темпы подвоза орудий и боекомплектов по железной дороге. Возобновить в полном объеме артиллерийские запасы крепости в ближайшее время совершенно не представлялось возможным. Единственная железнодорожная ветка, связывавшая Дальний Восток с Россией, была не в состоянии обеспечить соответствующее снабжение армии и флота, начавших наконец воевать в полную силу. Однако такой фантастический перерасход боеприпасов позволил в кратчайшие сроки поднять до нужного уровня выучку артиллеристов на эскадре, что наглядно продемонстрировали последние события. Но об истраченных тысячах снарядов и приведенных этим без боя в негодность «почти полусотне» орудий стало быстро известно в столице, что вызвало массу гневных депеш из-под шпика и из артиллерийского комитета.

В них едва не дошло до прямого обвинения в саботаже. Теперь где-то в пути была специальная комиссия, назначенная для расследования этого вопиющего случая расточительства в военное время. От прямого отстранения от должности и ареста Рожественского, по сути, спасло только возобновившееся наконец, причем весьма успешно, продолжение кампании.

Столько событий произошло после выхода эскадры с Балтики, а конца войне все еще не видно... Год назад казалось, что стоит дотянуть до Аннама эту армаду, и японцы пойдут на переговоры о мире. Сам Рожественский был в этом уверен и своей задачей считал именно обеспечить переход. Воевать он не собирался. Впрочем, тогда он был совершенно другим человеком.

Кто-то из древних сказал: «Хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах!» Получив категорический приказ, воевать все же пришлось. Хорошо еще опомнились в дороге да готовиться начали. Повезло, конечно, что японцы дали до себя дотянуться. Прорвались во Владивосток. Но и этого оказалось мало.

Даже теперь, когда, собрав все оставшиеся силы, снова надавали японцам по морде, они не сдаются. Все предвоенные доктрины летят псу под хвост. Планы штабов, уже новые, казавшиеся абсолютно безупречными и логичными, не срабатывают. Враг стойко держит удар за ударом, а силы тают! Не хватает всего!

Новый наместник императора на Дальнем Востоке потерял всякую надежду найти взаимопонимание в верхах. Все его прежние связи перестали действовать. А завистливых взглядов и злобного шипения за спиной становилось только больше. Причем не только в столице, но и здесь. Слишком многих отодвинул от кормушки или наступил на мозоли.

Вице-адмирал Бирилев, назначенный командовать на Тихий океан, едва прибыв к месту базирования своего флота, был проинформирован доброхотами о творящемся в крепости безобразии и, вполне ожидаемо, пришел в ярость, увидев наиболее выразительные цифры, касающиеся как расхода снарядов, так и небоевых потерь в части артиллерии, а особенно в миноносном флоте, и без того весьма скудном². Однако, побывав на практических стрельбах уже обученных такой ценой комендоров «Олега», в сравнении со стрельбами не прошедших дополнительной подготовки новых береговых батарей, укомплектованных опытными расчетами и вооруженных такими же пушками, свой гнев умерил. Разница в уровне боеспособности была слишком большой.

А после показательных ночных учений минных отрядов с лихими выходами в атаку при слабом свете одних лишь осветительных ракет и без использования прожекторов и состоявшие-

² Адмирал Бирилев в реальной истории всемерно способствовал Рожественскому в подготовке к плаванию второй эскадры и вообще проявлял к нему заметную благосклонность.

гося сразу после них обстоятельного разговора с замотавшимся до последней степени Зиновием Петровичем в целом одобрил все его начинания.

Имея к этому времени представление о возможностях Владивостока, как базы для целого флота, он был согласен с тем, что у России в этой войне сейчас имеется шанс лишь на единственный, верный и сокрушительный удар, который может решить всё. В таких условиях экономить на подготовке этого удара просто преступно.

Уже на рассвете следующего дня Бирилев отправил в адмиралтейство основательную депешу с обоснованием необходимости понесенных казной расходов в сложившейся ситуации, а также с запросом на скорейшую отправку на Дальний Восток всех пушек, снятых в ходе ремонта и планируемого перевооружения с броненосца «Александр II». Их предполагалось использовать для обороны наиболее важных пунктов побережья, а при необходимости для замены поврежденных в бою орудий аналогичной конструкции.

Кроме того, он считал весьма желательным для этих же целей как можно скорее доставить во Владивосток хотя бы по десятку современных патронных орудий всех калибров и освобожденные тридцатипятикалиберные картузные пушки со списанных черноморских канонерских лодок и из других мест, где будет возможно их изыскать. Вплоть до снятия малопригодных для использования в бою ретиральных шестидюймовок с броненосцев типа «Екатерина». При этом в обязательном порядке снабдить орудия старых моделей новыми замками улучшенной конструкции и максимальным боекомплектом.

Помимо депешы в адмиралтейство также отправил пространное послание лично генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Николаевичу, возглавлявшему артиллерийский комитет, с описанием сложившейся ситуации с артиллерией и, самое главное, с ее боеприпасами на театре боевых действий. Он настаивал на срочном принятии самых действенных мер по увеличению пороховых и прочих боевых припасов, заявляя, что иначе мы просто упустим уже почти добытую победу.

Но в Петербурге всего этого понять не могли. Великий князь Алексей Александрович требовал немедленной отставки Рожественского, прямо заявляя: «Коль скоро подготовка эскадры оказалась достаточной для разгрома японского флота при Цусиме, не было никакой нужды приводить в негодность бессмысленными стрельбами исправную артиллерию кораблей! Видимо, ранение сказалось на здоровье Зиновия Петровича гораздо сильнее, чем считают врачи!» Телеграмма об этом заявлении и многие подобные ей, требующие немедленного ответа, изрядно потрепали нервы наместника до начала операции.

С началом активных боевых действий, перепоручив ведение всей высшей канцелярии принявшему дела комфлота Бирилеву и «сбежав» от этой бесплодной переписки на Цусиму, Рожественский наконец получил возможность заняться непосредственно противником, безо всякого сомнения заслуживающим самого пристального внимания.

После уже двух цусимских боев и ряда сопутствующих этому успехов враг все еще был силен и очень опасен. Одолеть его в прямом противостоянии не было никаких шансов. Он имел гораздо больше возможностей для восстановления своего флота, чем мы, не только стоя на отбитой у японцев Цусиме, но даже базируясь во Владивостоке. Однако останавливаться и, тем более, отступать, сейчас было нельзя! Единственной выигрышной стратегией продолжения кампании виделось ведение активной маневренной морской войны.

С Цусимы открывался сравнительно свободный выход на оперативный простор, что позволяло добраться до восточного побережья Японии не только с севера, но и с юга. Причем с большей безопасностью и гораздо более значительными силами. Казалось, что появилась возможность наносить разнонаправленные частые и сильные удары по жизненно-важным центрам японской империи и ее коммуникациям, избегая генерального сражения.

Это теоретически ставило более сильного противника в позицию обороняющегося, в которой он, не зная, где будет следующий удар, вынужден будет тратить значительные ресурсы

на создание достаточной обороны везде, что заведомо безнадежно. Но для этого было очень важно сохранить темп начатого общего наступления на море, что без боеспособных кораблей было невозможно в принципе.

Для максимального сокращения сроков ремонта главных сил флота делалось все возможное. В авральных работах были задействованы даже экипажи транспортов, не занятые боевой подготовкой. Поскольку ремонт шел круглые сутки, свободные от вахты отдыхали на берегу, где был оборудован лагерь. Вместо сожженных японцами казарм и барачных разбили палатки. Благо лето и климат приятный.

Параллельно с ревизией механизмов и устранением боевых повреждений проводились интенсивные артиллерийские учения и ствольные стрельбы. Отрабатывались до автоматизма способы применения трехдюймовых шрапнелей, составлялись и корректировались новые таблицы стрельбы и методики массированного применения этих боеприпасов, на основании опытных стрельб, проведенных еще во Владивостоке, и уже полученного первого боевого опыта.

Флагманским артиллеристом Берсеневым была предложена новая, весьма оригинальная, тактика борьбы с береговыми батареями, разработанная на основании сведений об организации береговой обороны противника, полученных от пленных. Ее суть сводилась к максимальному использованию медлительности японских тяжелых крепостных орудий устаревших систем с минимальным уровнем механизации процесса стрельбы и примитивными системами управления огнем.

Он предлагал делить атакующие силы на несколько быстроходных групп, маневрирующих индивидуально. При этом первая группа была отвлекающей, так сказать заигрывающей с батареями. Она должна была состоять из быстроходных кораблей. Маневрируя в виду фортов, явно обозначая агрессивные намерения обстрелом или попыткой прорыва через охраняемые воды, эта группа вызывала огонь на себя, заставляя противника открыть свои позиции. После чего в дело вводилась группа подавления, действующая по обнаруженным огневым точкам, выбивая, в первую очередь, самые опасные батареи. После введения в бой подавляющей группы, отвлекающая могла отойти из-под обстрела, либо продолжить участвовать в бомбардировке, в зависимости от обстоятельств.

Такая тактика позволяла подавляющей группе или даже группам стрелять в самых благоприятных условиях, хотя бы на первых порах, одновременно вынуждая батареи переносить свой огонь с одной цели на другую, что в принципе было делом непростым, а под интенсивным обстрелом осложнялось еще больше, заметно снижая общую эффективность ответного огня.

Идея поначалу вызвала множество споров, ввиду явной рискованности. Особенно для заигрывающих кораблей. Но после нескольких проработок с макетами на боевых планшетах ее признали стоящей, а риск вполне приемлемым. При благоприятном стечении обстоятельств это позволяло отвлекающей группе прорваться на прикрываемый батареями рейд еще до подавления активной обороны противника и воспрепятствовать его минированию или блокированию любыми другими способами.

Кроме тактических и стратегических вопросов, активно прорабатывалась возможность утечки информации о планировавшемся захвате Цусимы. После всестороннего анализа в штабе считали наиболее вероятной причиной столкновения со всем японским флотом у Цусима-зунда именно заранее подготовленные ответные действия противника. Вероятность случайного сосредоточения стольких отрядов на ограниченном участке моря в самый неподходящий момент была слишком незначительной.

Исходя из того, что японцы явно не ожидали полноценной высадки и захвата островов, высказывалось предположение, что они были извещены только о цели атаки, но не имели сведений о ее масштабе и задействованных средствах. Отсюда напрашивался вывод, что столь

ценные сведения были получены вражеской разведкой с самого верха, где не знали подробностей.

Это казалось вполне вероятным, учитывая nepозволительную словоохотливость некоторых больших начальников и тот факт, что карты Цусимы запрашивались из столицы. В том числе и внутренней ее акватории, изданные гидрографическим департаментом Морского министерства еще по результатам промеров глубин офицерами клипера «Посадник».

Добавила пиши для размышлений штабистам и аналитическая записка флагманского специалиста лейтенанта Леонтьева, в которой обобщались результаты перехватов вражеских телеграмм в ходе только что закончившейся операции. Из нее следовало, что японцы ввели новый телеграфный код, начав заменять им старый, уже хорошо освоенный нашими специалистами.

Если к началу операции даже не целые перехваченные телеграммы, имея значительную часть текста, в большинстве случаев удавалось довольно быстро разобрать, используя перевод добытого владивостокскими крейсерами на одном из перехваченных пароходов кода, выполненный нынешним флагманским переводчиком Занковским еще весной прошлого года, то теперь некоторые депеши, даже принятые станциями целиком, не читались. Причем таковых становилось все больше. Требовалось добыть новые коды.

Пока штаб думал, как быть дальше, а основные силы флота приводили себя в порядок, стоя в Такесики и Озаки, охрану вод, прилегавших к Цусима-зунду, обеспечивали номерные миноносцы, прикрываемые «Жемчугом» и дежурившими поочередно по двое суток тройками истребителей. Однако «Жемчуг» вскоре был также снят с дежурства и ушел на ремонт и бункеровку. Хотя повреждения на нем были минимальными, требовалось основательно осмотреть и проверить главные механизмы. Единственному быстроходному разведчику, оставшемуся у эскадры, при любом дальнейшем развитии ситуации хлопот наверняка хватит, а вот время для ремонтов уже вряд ли удастся выкроить.

При этом машинной команде крейсера ставилась задача, в первую очередь, добиться максимальной надежности и экономичности, поскольку о достижении проектной скорости хода речи, конечно, быть уже не могло. Хотя «Жемчуг» еще совсем недавно вышел из завода, теперь уже было совершенно ясно, что обеспечить быстрый и качественный восстановительный ремонт главных механизмов мастерские Владивостока все еще были не способны. Воспользовавшись предоставленной возможностью, механики сразу приступили к вскрытию холодильников и переборке паровой и водяной арматуры, закончив работы к утру 29 июня.

Одновременно с вводом в строй береговых батарей, вооруженных современными патронными орудиями, уплотнялись и усиливались дозорные линии. Выводились из консервации все доставленные на палубах транспортов катера и миноносцы, перевооруженные в чисто артиллерийские корабли еще во Владивостоке. Уже на третий день освоения новых земель из привезенных на Цусиму четырнадцати миноносок восемь несли дозорную службу вместе с катерами. А оставшиеся шесть вместе с восемью паровыми катерами, несколькими портовыми и грунтовыми шаландами и четырьмя небольшими трофейными пароходами составили партию траления водного района Цусима-зунда.

Первые две ночи японцы активно стремились проскользнуть на рейд Озаки, не считаясь с потерями. Их многочисленные катера и миноносцы пытались нащупать прорехи в линии русских дозоров, но им это так и не удалось. При этом были потеряны пять катеров. Тогда они начали минную войну. В ней широко применялись даже небольшие парусные суденышки, конфискованные у корейских рыбаков и доставлявшие на внешний цусимский рейд по две-три мины за один рейс.

Факт начала минирования западного Цусимского пролива выяснился при достаточно трагических обстоятельствах. В ночь с 23 на 24 июня дозорная миноноска № 3 обнаружила рыбацкую шхуну, шедшую к берегу в четырех милях юго-западнее мыса Гоосаки. Немедленно

двинувшись на перехват, через мегафон по-японски потребовали убрать паруса. Но судно попыталось уйти.

Мичман Бачманов, командир миноноски, решил взять шхуну на абордаж, надеясь перехватить японских лазутчиков, но когда приблизились к ней, раздался мощный взрыв, которым смело с палубы всю абордажную команду. От удара взрывной волны в корпусе открылись сильные течи. Пар в котле сразу «сел», и миноноска почти лишилась хода.

Более-менее уцелели лишь контуженые машинист и кочегар, которые с большим трудом смогли привести покалеченный кораблик в Озаки. Попутно они подобрали из воды своего командира и еще одного матроса, находившихся в бессознательном состоянии, а также оглушенного японца, чудом выжившего при взрыве. Все остальные погибли.

Этот-то японец и рассказал потом, что шхуна входила в состав только что созданного специального диверсионного отряда «Кокутай», задачей которого было блокирование русского флота на Цусиме. На взорвавшейся посудине имелись готовые к постановке две обычные якорные мины, которые подорвал динамитной шашкой командовавший судном мичман Тадзима. Пленный сиганул за борт, едва был подожжен фитиль, потому и выжил.

После этого случая дозорные суда либо открывали огонь с безопасного расстояния, либо ограничивались наблюдением, с последующей отметкой мест возможных минных банок. В случаях попыток минирования значительными силами в бой вступали истребители и миноносцы, отгонявшие японцев, активно огрызавшихся в ответ. В этих стычках получили серьезные повреждения и встали на ремонт к борту «Камчатки» миноносцы № 211 и № 203. О японских потерях ничего известно не было, но как минимум один миноносец они утащили от Цусимы на буксире. Это было обнаружено сначала катерным дозором, а с рассветом подтверждено наблюдателями с «колбасы».

В ответ на японские минные постановки наши истребители тоже начали навешать входные фарватеры Фузана и Мозампо, выставив за три ночи пять минных банок. Перестрелки между дозорами как у Цусимы, так и у корейских шхер стали привычным делом и уже не вызывали тревоги. Кроме того, корейские воды вблизи японских передовых баз начали скрытно осваивать подводники. Работая во взаимодействии с миноносцами, они выявляли районы маневрирования патрулей и учились их обходить на узких и достаточно мелководных фарватерах.

В ходе этих вылазок была перехвачена корейская шхуна с военной контрабандой, шедшая из Шанхая в Ульсан. От ее капитана и из найденных на борту газет узнали, что японцы объявили о начале блокады Цусимы, а заодно и берегов северо-восточной Кореи и российского тихоокеанского побережья. Проливы восточнее и западнее Цусимы объявлялись закрытыми для любого судоходства. С конца июня японцы считают вражескими любые суда, даже принадлежащие нейтральным странам, направляющиеся в эти районы, и будут топить все, что увидят там и у русских берегов днем и ночью без досмотра.

В ответ на это Рождественский отправил по беспроволочному телеграфу во Владивосток официальное заявление, в котором сообщалось, что в такой ситуации русский Тихоокеанский флот считает себя вправе также топить все корабли, которые находятся в Японских водах и портах, без различия национальности. Кроме того, будут приняты самые активные меры по предотвращению подвоза снабжения из Европы и Индокитая для японских армий, ведущих боевые действия в Маньчжурии.

Депеша ушла открытым текстом, так что ее приняли не только во Владивостоке. Но для большей ясности заявление в тот же день огласили на специально созванной пресс-конференции, на которую были приглашены все пребывавшие во Владивостоке журналисты, число которых менее чем за месяц увеличилось в разы.

Новость сразу напечатали в нескольких дальневосточных газетах с сопроводительными комментариями. Причем тон этих комментариев колебался от одобряющего, исходившего со

страниц «Чифу Дейли Ньюз», до резко осуждающего в англоязычной прессе. Немецкие и французские газеты ограничились лишь дословной перепечаткой с краткими нейтральными пояснениями.

В дальнейшем оба заявления были многократно перепечатаны многими серьезными изданиями и моментально дошли до Европы, вызвав массу споров и протестов. Из Петербурга во Владивосток пришло немало гневных депеш и нот от английского, американского и некоторых других правительств, переданных российскому МИДу. От Рождественского требовали предоставить немедленные разъяснения для «Певческого моста»³, которые помогли бы сгладить негативную реакцию ведущих держав.

В ответ в столицу ушло уведомление, что наместник императора на Дальнем Востоке отбыл по делам на Цусиму, а поскольку телеграфного сообщения с этим островом пока нет, любые разъяснения нашей позиции по этому вопросу несколько задерживаются. Кроме него никто во Владивостоке комментировать это не вправе.

Несмотря на грозный и решительный текст русского и японского заявлений, фактически подтвердить их было нечем. Японцы ремонтировались в Мозампо, перегнав туда еще две свои плавмастерские. В море выходили только старички «Нанива» с «Такачихо», вспомогательные крейсера да «Цусима» с «Акаси». К их сопровождению привлекался первый отряд истребителей, не участвовавший в последнем бою, но потерявший по техническим причинам один корабль из своего состава, вставший к стенке порта для переборки главных механизмов.

Самой заметной их операцией стал набег на Владивосток и залив Посьет 30 июня. Но эта акция, наделавшая много шума, не имела результата с военной точки зрения. Пострадали лишь жилые кварталы города и поста Посьет. Ни порту, ни мастерским никакого урона нанесено не было. Из-за неустойчивой радиосвязи о ней на Цусиме стало известно уже много позже.

Русские тоже пока вынужденно не проявляли большой активности, ограничившись продолжающимися действиями крейсеров. Но время работало против нас. После зачистки Цусима-зунда и занятия удобных для обороны позиций на обоих Цусимских островах перед Тихоокеанским флотом остро встала проблема обеспечения гарнизона новых земель продовольствием и топливом. А после потери части грузов на погибших пароходах список потребностей еще больше расширился, а сроки на решение этого вопроса наоборот сократились.

Оба новейших броненосца получили достаточно серьезные повреждения в бою у Цусима-зунда и нуждались в заводском ремонте, поэтому ни о каком длительном океанском плаваньи речи пока быть не могло. Между тем ситуация диктовала необходимость, в первую очередь, защищать новые, протяженные и чрезвычайно уязвимые коммуникации между Приморьем и Цусимой. Срочная проводка конвоя под носом у противника представлялась делом весьма непростым и очень рискованным, неизбежно грозящим столкновением с основными японскими силами и крайне нежелательным новым большим сражением. Найти выход из этого противоречия между стратегией и тактикой никак не удавалось.

Тактическая пауза явно затягивалась, хотя все в штабе Рождественского понимали, что тянуть нельзя. Стоявшая в Озаки эскадра и суда сопровождения ежедневно расходовали только угля около семисот тонн, не считая прочих статей довольствия. Планировавшееся изначально дальнейшее использование бронепалубных крейсеров, базирующихся на Цусиму, на судоходных путях между Японией и Кореей неожиданно оказалось недостаточно действенным средством.

³ Иносказательное название Министерства иностранных дел России до 1917 г., так как здание МИДа находилось в Санкт-Петербурге у Певческого моста.

У разведки появились сведения, что японцам удалось скрытно протащить к Чемульпо армейский конвой под охраной крейсеров «Нанива», «Такачихо» и старых кораблей седьмого боевого отряда контр-адмирала Ямада. Хотя эти транспорты были каплей в сравнении с потребностями армий маршала Оямы, проводка конвоя показала возможность снабжения войск на континенте через корейские порты даже под носом у всего русского флота.

Имелись достоверные сведения, что в Симоносеки, Модзи, Сасебо и Нагасаки стоят в ожидании отправки десятки судов с грузами для войск на материке. Причем их число быстро растет, так как все неохраняемые перевозки пока приостановлены специальным распоряжением морского министра, а грузы продолжают прибывать как из Европы и Америки, так и из японских портов тихоокеанского побережья и внутреннего моря.

Из Гонконга и Шанхая поступили известия о возможном открытии в ближайшее время новых кредитов для Токио английскими и американскими банками, что позволит японцам скупать уже не грузы, а целиком груженные пароходы. Предполагается вести их часть пути из Европы под английским флагом и под управлением английских команд, а на заключительном отрезке маршрута даже под эскортом английских крейсеров.

При этом конечным пунктом маршрута по бумагам должен был быть Вей-Ха-Вей. От него до Дальнего буквально рукой подать, так что этим пароходам совершенно ничего не стоит просто свернуть не туда. Суда планировалось передавать под управление японского экипажа уже в порту разгрузки.

При успешной реализации противником этой схемы снабжения перехватить их будет невозможно, а вероятность вызвать международный скандал в случае такой попытки будет невероятно высокой. Предотвратить подобное развитие ситуации могли только дипломаты, но они явно не хотели ввязываться в баталии с джентельменами.

В то же время базирование на Цусиму крупных кораблей было связано с серьезным риском из-за постоянных набегов японских миноносцев, шхун и паровых катеров, начавших активно ставить мины по ночам. Прикрывавшие их миноносцы и истребители всегда уходили от прямого боя, но не упускали случая напасть исподтишка. Опыт подобного противостояния после Порт-Артура у японцев был весьма богатый.

Ожидавшегося всеми аналитиками штаба Тихоокеанского флота оставления противником своих баз на юге Кореи с захватом нами Цусимы так и не последовало. Несмотря на фактический обрыв их коммуникаций, японцы и не думали уходить, наоборот, начав укрепляться там по-настоящему, подтягивая войска. Даже свои поврежденные крейсера они не увели в Сасебо или еще куда-то, начав ремонтировать их прямо под носом у засевшего в Озаки всего русского флота с его миноносцами и подводными лодками. Даже демонстративные и неожиданно результативные действия подводников, на которые особенно рассчитывал Рождественский, не дали желаемого результата.

Впрочем, результат все же был. Крупные японские корабли возле Цусимы не появлялись. Отмечались проходы на большой скорости бронепалубных крейсеров и отрядов миноносцев и истребителей в зоне видимости с береговых постов или аэростатов, но в общем и целом активные действия в светлое время суток велись только малоценными боевыми единицами и на приличном расстоянии, что заметно облегчало положение русских.

В условиях полной пассивности противника, ограничившегося ночными вылазками легких сил, пострадавшие в артиллерийском бою большие корабли Тихоокеанского флота России исправляли повреждения в более-менее спокойной обстановке, находясь на рейде Озаки, а для производства сложных работ переходя в Такесики.

Поскольку возведение главных береговых укреплений в ключевых точках обороны Цусимских островов было почти закончено, а строительство противодесантных позиций и дальнейшее совершенствование главных фортификаций могло продолжаться и после ухода

флота, было решено все же увести эскадру во Владивосток. Там было гораздо больше возможностей для полноценного ремонта и обеспечения всем необходимым.

Крейсера планировалось также отзывать из рейда уже в ближайшее время. Их базирование на Цусиму с уходом флота становилось слишком рискованным, а действия на торговых путях с опорой на временную угольную станцию на островах Рюкю были бы явно недостаточно эффективными. К тому же оккупация рейда Наха в любом случае скоро перестанет быть тайной.

Тогда пункт снабжения придется делать «кочующим», к тому же постоянно охраняемым, что еще более снизит эффективность действий крейсеров и надежность их обеспечения припасами. Исходя из этих предпосылок, планировалось, что они пойдут с флотом, чтобы прикрывать отход поврежденных кораблей, а затем защищать наши новые растянутые коммуникации вдоль корейских берегов. Иного выхода, кроме глухой обороны и крейсерской войны непосредственно из Владивостока, казалось, не было.

Предстоящий переход, затем довольно длительный ремонт, формирование конвоя – все это займет массу времени и даст возможность японцам опомниться и очень хорошо подготовиться. А все наши дальнейшие действия легко предсказуемы. Нужно будет вести конвой на Цусиму. Вести снова с боем и новыми потерями! При таком раскладе, без гарантии успешной доставки снабжения, флот быстро и гарантированно должен был потерять боеспособность. Возможно, уже окончательно.

В этой ситуации штаб командующего искал варианты развития достигнутого успеха. Решено было, воспользовавшись захватом рейда Наха, максимально активно развернуть крейсерскую войну в Тихом океане, как это планировалось изначально. Имевшие теперь недобор топлива «Днепр» и «Терек» отправили в глубокий рейд к восточному побережью Японии с промежуточной бункеровкой на Окинаве, где обосновался Добротворский со своими крейсерами и трофеями. Но этого было явно недостаточно, чтобы заставить микадо начать мирные переговоры. К тому же это никак не влияло на обстановку вокруг Цусимы.

Когда на «Орле» получили телеграмму о трофейных картах, совершенно неожиданно для всех оказалась вполне исполнима одна из чисто теоретических проработок походного штаба. Рождественский тут же распорядился организовать доставку документов на Цусиму и созвал срочное совещание командиров и флагманов. Он предложил более детально проработать возможные варианты форсирования Симоносекского пролива и последующей атаки Осацкого залива, исходя из предположения, что нам теперь будет известен весь фарватер, примерное расположение фортов крепости Бакан и проходы между возможными минными полями.

Это мероприятие, при его успешной реализации, позволит, не теряя темпа общего наступления, решить проблемы со снабжением Цусимы, избежав нежелательного генерального сражения. Но для достижения успеха предполагаемую операцию против Симоносеки и Осацкого залива нужно было провести в ближайшее время. Иначе будет потерян эффект внезапности, и японцы могут исправить свои ошибки, допущенные ранее. Особенно в части береговой обороны.

Атака портов Симоносекского пролива и его форсирование крупными силами, с последующими активными действиями у японского тихоокеанского побережья неминуемо отвлекут весь боеспособный флот противника на восток. При этом, в случае успешного прорыва, у русского флота будет большая фора по времени, так как узкий и извилистый пролив с мелководным фарватером можно достаточно быстро и надежно блокировать, что вынудит преследователей терять время на его расчистку или путь в обход. В данном случае в обход значило обогнуть остров Кюсю с юга, на что потребовалось бы не менее суток. За это время эскадра будет уже далеко.

Серьезной схватки с береговыми батареями в случае форсирования пролива никак не избежать, но скопившиеся в нем многочисленные войсковые транспорты явно достойны того,

чтобы к ним прорваться с боем. По этому поводу Рождественский даже пошутил, сказав, что, ловя пароходы оптом, прямо в портах, угля спалим в разы меньше, чем гоняясь за ними по морю, перехватывая поштучно.

В то же время, уже пройдя пролив, открывалось направление на Осацкий залив, с достаточным запасом времени. А после атаки Кобе и Осаки имелись два варианта отхода: либо на юг вокруг острова Кюсю обратно на Цусиму с последующим отступлением всеми силами во Владивосток, либо на север с прорывом через пролив Цугару и дальнейшим прорывом во Владивосток или форсированием проливов Курильских островов с последующим прорывом через пролив Лаперуза. По заверениям инженерного корпуса эскадры, кратковременный океанский переход все корабли, даже поврежденные броненосцы, гарантированно выдержат.

В обоих вариантах все японские силы с большой долей вероятности будут оттянуты далеко от Цусимы, так как игнорировать такой удар противник явно не сможет без катастрофического ущерба для престижа страны. Воспользовавшись этим, можно будет провести на острова несколько судов с войсками, продовольствием и боеприпасами из Владивостока или Гензана под прикрытием отряда Энквиста и наших легких сил, остающихся в Озаки и Таке-сики.

Теоретически штурм Симоносекского пролива, или пролива Коммон, как его называли японцы, был теперь вполне выполним, но при обязательном условии непротиводействия главных сил японского флота в первой стадии операции, по крайней мере до начала атаки Симоносекского порта. Крепость Бакан, по докладам разведки, не имела современных орудий, а ставить мины в активно используемом проливе с сильными переменными приливными и прочими течениями никто не решится. Хотя даже в этом случае при форсировании узкого фарватера, прикрытого фортами с тяжелыми батареями, без потерь не обойдется.

Но риск все же признавался приемлемым. Для сдерживания противника на начальном этапе должна быть проведена предварительная показательная атака подводными лодками основных фарватеров у Фузана и Мозампо. К тому же вражеский флот теперь был все время у нас на виду, так что считалось, что сюрпризы, подобные тому, что был у Цусима-зунда, исключались.

Помимо военной целесообразности этой операции существовал еще и гораздо более важный ее политический аспект. Разгром крупнейших и, несомненно, очень хорошо охраняемых японских портов Симоносеки, Модзи и промышленного района Кобе – Осака должен будет серьезно подорвать престиж Страны восходящего солнца на мировой арене и ослабить японскую экономику, заодно показав всему миру, кто в японских водах хозяин. А это уже, вполне возможно, заставит микадо искать мира.

Правда, при формировании экспедиционного корпуса для действий в Тихом океане неизбежно придется ослабить гарнизон Цусимских островов, так как больше флоту войск взять просто негде. Это, по мнению Рождественского, можно будет компенсировать дальнейшим повышением огневой мощи береговой обороны путем насыщения наиболее угрожаемых позиций скорострельной артиллерией. Либо прикрыть побережье полевыми гаубицами и устаревшими тяжелыми и шестидюймовыми мортирами, снятыми с владивостокских фортов и развернутыми на закрытых со стороны моря позициях, позволяющих простреливать прибрежные воды на десантоопасных участках навесным огнем. Всю дополнительную артиллерию планировалось доставить с конвоем.

Войска, изъятые из обороны Цусимских островов, в случае их невозврата обратно, впоследствии должны были быть быстро замещены прибывающими из европейской части страны пополнениями. Причем обязательно регулярными, хорошо обученными, полностью боеспособными и укомплектованными частями.

В окончательном варианте операции Тихоокеанский экспедиционный корпус Российского Тихоокеанского флота, комплектуемый войсками цусимского гарнизона, должен был

состоять из флотского добровольческого батальона, бравшего Такесики, и тридцать второго полка восьмой восточно-сибирской дивизии. Этот полк в полном составе прошел ускоренный курс подготовки к высадке на необорудованный берег еще под Владивостоком и поэтому считался наиболее подходящим для предстоящего дела.

Для усиления им придавался батальон добровольцев из экипажей транспортов «Изумруда» и «Владимира Мономаха», с тремя десантными пушками и шестью пулеметами, снятыми с этих крейсеров. Кроме того, десанту передавались все имевшиеся на Цусиме легкие горные орудия калибра 64 миллиметра и большая часть боекомплектов к ним. Предполагалось также широкое использование десантных рот со всех кораблей.

Десантные части и их снабжение начали спешно собирать в Озаки, чтобы затем быстро загрузить на отзываемый из так и не начавшегося рейда в Тихий океан «Терек», как только он придет с Окинавы. Несмотря на огромные размеры коммерческого крейсера, всем войскам на нем будет явно тесно, поэтому «Уралу» было приказано, не дожидаясь его прихода, начать принимать на борт пехоту и пушки. При этом обязательным условием было сохранение возможности использования воздухоплавательного парка в полную силу.

Предполагаемая теснота в палубах пароходов-крейсеров была вынужденной и временной мерой. В дальнейшем часть пехоты и все отряды, комплектуемые личным составом флота со своей артиллерией, должны были при первой же возможности перейти на вспомогательный крейсер «Днепр», когда тот присоединится к эскадре после выполнения уже подготовленного штабом для него специального задания.

К моменту, когда «Днепр» доставил карты и прочие трофейные бумаги с Окинавы, совещание шло уже вторые сутки. За это время были в общих чертах подготовлены боевые приказы для Добротворского, вспомогательных крейсеров и пароходов-угольщиков. Потратив около часа на изучение карт, проверку их по уже имевшимся сведениям от агентов, пленных и полученных от подводников и на окончательную доработку плана операции, в конце концов, утвердили один из предварительно проработанных вариантов. Командиру крейсера-гонца вручили секретные пакеты и отправили обратно.

Одновременно на Окинаву по беспроводному телеграфу передали приказ бронепалубникам готовиться к выходу на соединение с флотом и не пользоваться радио, чтобы не выдать место стоянки, а во Владивосток приказ срочно готовить конвой из быстроходных судов с грузами для цусимского гарнизона. Также было приказано начать разоружать форты на острове Русском, свозя пушки с них в порт. Но поскольку в зашифрованной телеграмме, да еще и по беспроводному телеграфу, все сообщить было просто не реально, в главную базу также пришлось снарядить гонца.

На следующий день, уже в вечерних сумерках, на закончившем разгрузку пароходе «Иртыш» во Владивосток отправили офицера связи со срочными распоряжениями для коменданта крепости, а также с телеграммами, в том числе императору.

Воспользовавшись штормовой погодой, большой трансокеанский пароход легко прорвал блокаду и вышел в чистые от противника воды севернее Цусимы. Из соображений скрытности перехода скалы Лианкур и остров Дажелет он обошел восточнее и, держа на протяжении всего перехода максимальный ход, благополучно достиг Владивостока, доставив секретную корреспонденцию.

Там его уже ждали. Начальник владивостокского порта контр-адмирал Грехе немедленно отдал все необходимые распоряжения о погрузке судов и формировании конвоя, а комендант крепости генерал-лейтенант Казбек распорядился начать отгрузку старых пушек и их артиллерийских парков. Хотя сам и не мог точно представить, зачем флоту могли понадобиться в срочном порядке гвардейские полки из столицы, тяжелые осадные и гаубичные батареи и завалявшиеся на складах, давно списанные горные пушки Барановского.

Единственное, что полностью соответствовало, в его понимании, потребностям флота на далеких Цусимских островах – это запрос на все имевшиеся в наличии двадцатипудовые шестидюймовые осадные орудия, ограниченно пригодные для береговой обороны, а также на большой запас снарядов к ним и всем другим пушкам, уже имевшимся на Цусиме. Соответствующий список прилагался, но те цифры, что там были указаны, перекрывали все мыслимые расходы артиллерийских припасов в пять, а то и в восемь раз.

Генерал-лейтенант Казбек имел достаточно четкое представление о нормах отпуска снарядов на полевые и крепостные батареи, поэтому счел, что столь серьезный запас потребовался, вероятно, потому, что все, что уже было отправлено с флотом, ушло на дно вместе с потопленными японцами пароходами. И теперь голодная пехота сидит там с пушками, но без снарядов. А поскольку ни о какой встрече отправляемых в сопровождении всего одного старого крейсера и двух номерных миноносцев судов отрядами Небогатова, Йессена или Рождественского ни в полученном по радио сообщении, ни в доставленных пароходом бумагах не было ни слова, решил, что дела у флота совсем плохи.

Но только что полученный письменный приказ наместника, подтверждавший полученное ранее по радио распоряжение о разоружении фортов, изрядно нервировал коменданта, считавшего, что всей сухопутной обороной крепости командует только он. Снимать пушки с готовых капитальных оборонительных позиций казалось ему чрезмерным. Особенно теперь, когда флотские, судя по всему, «сели в лужу». С этим злополучным приказом он отправился к вице-адмиралу Бирилеву.

Но тот не нашел никакой крамолы в перевозке пушек с тыловых позиций обороны, какими теперь считались старые форты острова Русский, на Цусиму. Для успокоения генерала он посоветовал отправить в столицу запрос на новые пушки взамен отдаваемых флоту, добавив, что такого старья уже не пришлют, так что крепость окажется только в выигрыше.

Более комендант не решился оспаривать распоряжения удачливого наместника императора, и, поскольку в телеграмме, а потом и в письменном приказе с Цусимы указывались конкретные, весьма сжатые сроки проведения работ по демонтажу устаревших мортир, который он до сих пор всячески откладывал, немедленно отдал необходимые распоряжения. А вечером даже поехал лично проконтролировать начало их исполнения.

Несмотря на то что о содержании штабной почты с Цусимы знал довольно узкий круг лиц из штаба крепости и флота, а своими впечатлениями о прочитанном комендант вообще ни с кем не делился, слухи о критическом положении предпринятой наместником южной экспедиции распространились по городу невероятно быстро. После возвращения в свой кабинет генерал-лейтенанта Казбека начали донимать журналисты, задававшие подозрительно заковыристые вопросы. Звонил комфлота Бирилев, также страдавший от чрезмерного внимания прессы и весьма неприятно удивленный ее информированностью.

Об истинных масштабах этих слухов стало известно уже к ночи, когда начальник разведывательного отдела штаба Тихоокеанского флота капитан второго ранга Русин положил на стол коменданта депешу одного из многих расквартированных в городе иностранных корреспондентов, взятую с телеграфа. Правда, уже после отправки ее адресату. Поскольку постоянного дежурства офицеров разведки на телеграфе еще не было, о ней стало известно только из ежедневного отчета, предоставляемого служащими.

Некий Бруно Аткинсон передавал в редакцию своей газеты в Шанхае сильно видоизмененный список загружаемых на транспорты материалов и в несколько раз увеличенное количество отправляемых именно на Цусиму судов. А также сведения о якобы имевших место случаях отказа капитанов пароходов следовать на Цусиму без охранения и требования получить расчет немедленно.

Объяснить столь быстрое получение, хотя и искаженной, информации о формируемом караване именно на Цусиму каким-то писаккой генерал-лейтенант Казбек не смог. С его слов

был быстро составлен список всех, ознакомленных с последними телеграммами и приказами, после чего Русин удалился.

* * *

Согласно полученному с возвращением «Днепра» боевому приказу окинавские угольщики должны были отправить один пароход в Сайгон с депешами для князя Ливена, а остальные покинуть рейд Наха сразу, как закончат бункеровку пароходов-крейсеров. После чего следовать в район ожидания севернее островов Бородино, где ждать дальнейших инструкций до 15 июля. Если за это время новых распоряжений не будет, следовать в Сайгон. Всем призам, кроме «Малазиен», приказывалось отправляться во Владивосток в обход Японии в общем строю немедленно по готовности выйти в море, а французу – держаться вместе с угольщиками. На не задействованные в бункеровке пароходы возлагалось несение дозорной службы.

Большие вспомогательные крейсера, по плану операции, предполагалось использовать как быстроходные войсковые транспорты, а не эскадренные угольщики. В связи с этим «Тереку» было приказано прервать бункеровку и срочно возвращаться на Цусиму для погрузки войск, а «Днепр» должен был догрузиться углем до полных ям, не заваливая эмигрантские палубы, и следовать к проливу Бунго, где предполагалось встретиться с флотом. На переходе ему следовало вести поиск возможных пароходов-контрабандистов и японских судов, следующих на материк вокруг Кюсю.

Крейсера первого ранга в полном составе задействовались в атаке портов пролива Симоносеки. Но никакого предварительного сосредоточения сил не планировалось. Они должны были присоединиться к эскадре уже на заключительном этапе броска к проливу, пройдя ночью вдоль западного берега Готских островов и обойдя остров Икисима с юга. Попутно предполагалось атаковать прибрежные японские коммуникации от Симоносеки к Сасебо и Нагасаки.

Это – вместе с захватом Окинавы, о чем противнику уже, возможно, известно, и с действиями «Днепра» – должно было создать у японцев впечатление отвлекающих маневров юго-восточнее Цусимского пролива, в Тихом океане и южнее Кюсю, в то время как с Цусимы на север будет прорываться сильно охраняемый конвой пустых транспортов. Это, в свою очередь, отвлечет блокадные силы, дежурившие по ночам вблизи Цусимы, от направления на Симоносеки. Начало операции назначили на третье июля. Но тут коррективы внесла погода.

Юго-восточный ветер продолжал усиливаться и к рассвету 30 июня развел приличную волну. Усилились дождевые шквалы. В бухте Наха на западном берегу Окинавы, прикрытой от ветра островом, волнения не было, так что погрузка угля шла полным ходом. Когда «Днепр» прибыл на рейд, крейсера первого ранга уже развели пары и были готовы к выходу в море. Получив пакет с боевым приказом, Добротворский созвал на совещание командиров всех крейсеров и пароходов.

Совещание продлилось более двух часов, после чего крейсера двинулись к Цусимскому проливу. Бронепалубники шли экономическим ходом. «Терек» ушел еще накануне, после получения по радио приказа из Озаки о его срочной отправке. Он грузился первым и успел не только принять полный запас в угольные ямы, но и частично завалить другие, приспособленные под топливо помещения.

Шторм продолжал набирать силу. Уже после обеда Добротворский решил отправить на Цусиму запрос о подтверждении точек рандеву, в условиях испортившейся погоды. Но ответа не было. Так шли в штормовом море до вечера, когда станция «Олега» сквозь фон помех начала принимать невнятные обрывки телеграмм. Вскоре в этих телеграммах, повторявшихся каждые полчаса, удавалось разобрать уже по несколько слов. Передававшая депеши станция была аналогична тем, что устанавливались на русском флоте.

Незадолго до полуночи смогли наконец сложить весь текст депеши. В ней говорилось, что из-за шторма начало операции переносится на два-три дня. Добротворскому приказано возвращаться на Окинаву и бункероваться там, ожидая дальнейших инструкций. С «Олега» отправили квитанцию о получении, сообщив также, что «Терек» должен был достичь Цусимы еще к утру этого дня, и начали разворачивать отряд на обратный курс. Вскоре с Цусимы пришел условный сигнал, что депеша получена, и радиопозывной «Терека». Это означало, что он на месте.

После прихода «Терека» в Озаки на него сразу начали свозить войска, но тут выяснилось, что часть эмигрантских палуб занята углем. Его уже перегружали в несколько освобожденных после перехода угольных ям, но весь «излишек» там явно не мог поместиться. Получалось, что в таком состоянии он сможет принять лишь чуть более батальона пехоты с тяжелым вооружением, то есть менее половины назначенных на него войск.

Поскольку погода окончательно испортилась, начало операции перенесли на несколько дней, что дало возможность выгрузить лишний уголь на береговой склад. Внеплановые работы растянулись больше чем на двое суток, после чего в авральном порядке снова принимали войска и вооружение.

Пехоте предстоял новый «круиз» в тесноте и с минимальным комфортом, но теперь еще и в грязи. Вычищать угольную крошку и пыль, оставшуюся в нижних палубах, начали только выйдя в море. Раньше для этого просто не было времени. В этом, без особого принуждения со стороны команды, активно участвовали все «пассажиры», что несколько отвлекло их от собственных ощущений. Хотя отголоски стихшего шторма еще слегка раскачивали огромный корпус крейсера, с непривычки вызывая неприятные спазмы желудка и слабость в ногах, болтаться на волнах среди разъедающей легкое и кожу угольной пыли никому не хотелось.

Крейсерам после разворота идти на юг было труднее, так как приходилось бороться с тяжелой встречной волной. Лишь к обеду первого июля достигли наконец острова Ихейя, лежащего в двадцати милях севернее Окинавы, и укрылись от шторма под его северо-западным берегом. Дав отдых экипажам до рассвета следующего дня и исправив некоторые штормовые повреждения, двинулись к Наха, куда прибыли к половине первого часа пополудни, тут же встав на бункеровку.

Пароходы и призы, к счастью, пережидали непогоду в бухте, так что никого догонять не пришлось. Признаков явного беспокойства со стороны противника пока также отмечено не было. Никаких подозрительных судов не появлялось. Шторм заметно слабел, но дождь по-прежнему лил стеной. В таких условиях, учитывая достаточно долгое пребывание на вражеской территории, можно было в любой момент ожидать появления противника, причем крупными силами.

Добротворский приказал, по возможности, держать артиллерию в готовности к бою. Поскольку видимость была отвратительной, все дальние наблюдательные посты и их линии связи снимались, заменяясь не занятыми в работах пароходами, курсировавшими севернее и западнее бухты, чтобы иметь возможность всем отрядом и конвоем моментально покинуть стоянку в случае возникновения угрозы. Кроме того, он распорядился иметь под парами не менее четверти котлов на каждом из крейсеров, на всякий случай, невзирая на запредельную усталость машинных команд.

«Ливония», избавившаяся от груза и всплывшая много выше грузовой ватерлинии, уже привела себя в порядок и держалась северо-западнее, у входа на рейд, готовясь отправиться в Сайгон. На нее возложили обязанности брандвахты, усилив сигнальные вахты матросами с остальных пароходов. Крейсера встали к бортам «Китая» и «Олафа», принимая воду для котлов и бытовых нужд и машинное масло с швартовавшегося к ним поочередно «Метеора».

Все свободные от вахты в кочегарках и у пушек назначались на ремонтные работы, но их вскоре пришлось свернуть. Люди слишком устали. Командам дали десять часов отдыха, сократив вахты до двух часов. В это время малайцы из Сайгона начали восполнение потраченного топлива и прочих расходных материалов.

Для ускорения процесса к работам решили привлечь и филиппинцев, размещенных на «Ливонии». Но те потребовали оплатить свои услуги, так как считали, что дорогу домой уже отработали. Расходовать скудный бюджет судовых касс Добротворский запретил, поэтому с ними договорились о расчете выменянным у местных рисом и рыбой. Это всех устроило, и вскоре они также участвовали в угольном аврале и приемке провизии. К рассвету третьего июля ямы и кладовые были вновь полны, но приборку еще не начинали. Доверить это дело грузчикам никто не решился.

Едва закончилась приемка припасов, с «Ливонии» передали фонарем, что видят быстро приближающийся большой пароход на северных румбах. Он был заметно крупнее патрулировавшего в этом секторе «Оскара», прозевавшего его и подавшего условный сигнал прожектором уже после того, как нарушителя спокойствия обнаружили с внешнего рейда. Почти сразу после этого из мутной рассветной дождевой пелены на северо-востоке проявился силуэт быстро приближавшегося большого судна с двумя близко расположенными трубами и двумя мачтами.

Он направлялся к входу в бухту, явно зная фарватер. На всех бронепалубниках немедленно сыграли боевую тревогу, начав срывать парусиновые чехлы с орудий и наводя их на незнакомца. Рубили швартовы и давали ход, пытаясь перехватить внезапно появившееся судно до того, как оно станет удирать. Началась всеобщая суматоха и свалка.

Однако довольно быстро все прояснилось. С парохода передали фонарем позывные «Кореи» и запросили место для стоянки рядом с «Малазиен», сообщив, что имеют важный пакет для начальника отряда. Еще даже не ошвартовавшись к борту француза, с «Кореи» спустили шлюпку, тут же двинувшуюся к «Олегу», вставшему на якорь неподалеку.

* * *

Учитывая неудовлетворительные условия работы радиосвязи, что могло серьезно повлиять на организацию атаки в самом начале и привести к непредсказуемым последствиям в дальнейшем, было решено продублировать доставку всех распоряжений старым проверенным способом. Необходимость этого вполне подтвердилась при первом боевом развертывании всех разбросанных по морям отрядов. Для избежания «накладок» Рождественский выслал на Окинаву транспорт «Корея», как связной пароход с дополнительными инструкциями и приказом бронепалубным крейсерам быть в условленной точке готовыми к атаке пятого июля к шести часам утра.

Попутно на нем отправили сводный, а точнее надерганный почти повзводно, батальон из состава 32-го полка с легким вооружением для последующей пересадки на «Днепр» (все, что успели найти в Озаки до выхода в море). В сплошной суматохе тех дней, сопровождавшейся неизбежным бардаком с документацией и снабжением, погрузка войск была проведена в авральном порядке без уведомления армейского командования еще только формирующегося экспедиционного корпуса. Это заметно смягчило вопрос перенаселения жилых палуб на остальных пароходах-крейсерах, позволив разместить там запланированное число штыков, но зато перемешало войска, нарушив их организацию и вызвав заметные трудности при последующей высадке.

На обратном пути «Корея» должен был доставить жизненно необходимые трофейные тяжелые полевые пушки и моторные катера, а также машинное масло, керосин, бензин из недр наливного транспорта «Метеор» на осажденную Цусиму. Изрядный запас своих и трофейных

бочек подо все это имелся на борту. Считалось, что после перенесения активных боевых действий на другую сторону Японских островов плавание в районе Цусимы будет сравнительно безопасным, и большой пароход сможет прорваться обратно в Озаки без эскорта.

Как только Добротворский получил пакет, он снова созвал совещание. Тем временем на всех крейсерах его отряда продолжалась подготовка к походу. Окончательно исправляли штормовые повреждения, смывали угольную пыль и грязь. Экипаж «Кореи», не теряя времени, приступил к перегрузке крупновских гаубиц и боеприпасов, доставляемых обратными рейсами шлюпок и собранных из них грузовых плотиков, отвозивших пехоту с ее имуществом на «Днепр». Трофейные катера перевели на буксире, так как не удалось запустить их двигатели. Не нашлось специалистов, хотя топлива было в избытке.

Спустя два часа «Днепр» уже вышел в море. Почти сразу после него «Олег», «Богатырь», «Аврора» и «Светлана» также покинули рейд Наха. Отсалютовав флагами своим угольщикам и трофеям, они встали в колонну с «Олегом» во главе и двинулись на север. Приказ командующего был доведен до всех командиров и старших офицеров крейсеров и совместными усилиями доработан, исходя из фактической обстановки в отряде. Считалось, что все учтено и все готовы, однако вскоре начались неприятности, вынудившие крейсера разделиться.

Глава 2

Еще при возвращении на Окинаву на «Олеге» начали снова сдавать котлы. Во время угольной погрузки провели кое-какие работы с запорной арматурой и заменили часть водогрейных трубок, где это было возможно. Но полностью восстановить их работоспособность не смогли. И вот теперь, хотя для экономии угля отряд шел пока далеко не полным ходом, на флагманском крейсере вскоре пришлось разводить пары во всех котлах, иначе он не мог держать эскадренные 12 узлов.

К обеду пришлось загасить по одному котлу в первой и третьей кочегарках, а в остальных пока удавалось держать пар, хотя трубки лопались, порой сразу по несколько штук. Вскоре стало ясно, что «Олег» не сможет держать предписанные 15 узлов при прорыве вдоль Готских островов. Скрепя сердце в сорока милях южнее островов Данджо Добротворский перешел на «Богатырь», так как должен был командовать отрядом, а «Олег» занял место в хвосте колонны.

От мысли отослать его обратно на Окинаву отказались, так как почти весь запас трубок был уже израсходован, и устранить неполадки было возможно только в базе, а промедление с ремонтом грозило полной потерей возможности передвигаться самостоятельно. Планировалось, что «Олег», идя след в след за своим отрядом, пройдет в его «тени» до пролива Ики, преодолев японские дозорные линии, после чего повернет к Цусиме.

Если удастся удержать ход в пределах 12 узлов, то большую часть пути можно преодолеть еще ночью. Это, с большой долей вероятности, позволит крейсеру самостоятельно достичь Цусимы, учитывая тот факт, что появляться непосредственно у цусимских берегов японцы все еще не решаются. Даже если до рассвета и не удастся довести крейсер до наших берегов, после начала штурма Симоносеки, когда все японские силы будут брошены на восток, шансы на благополучное завершение плавания были все же достаточно большими.

Перейдя в хвост колонны, «Олег» сразу начал заметно отставать. Как стемнело, шедшие впереди три оставшихся боеспособными крейсера быстро пропали из вида. Злополучные трубки меняли на ходу. При ремонте котла № 4 кочегары Подгайло и Письменный залезли в еще горячий котел и выполнили все работы, вскоре введя его снова в работу⁴. Но, несмотря на то что машинная команда «Олега» делала все возможное, чтобы увеличить скорость, она постепенно снижалась сначала до 13 узлов, а потом и еще меньше.

Тем не менее крейсер благополучно продвигался вперед. Контакт с противником не было. Удачно выйдя в просвете дождя к южной оконечности острова Фукуэ, по уже хорошо знакомым береговым ориентирам удалось точно определить свое место, оказавшееся в двенадцати милях восточнее ожидаемого. Учтя поправки, проложили новый курс, огибавший прибрежные скалы, и продолжили движение.

Около трех часов утра пятого июля, когда уже повернули от северных Готских островов к Цусиме, станция беспроводного телеграфа «Олега» начала принимать шифрованные японские телеграммы. Их становилось все больше, а передатчик был где-то совсем рядом. Сигнальные вахты были заменены и удвоены, орудия заряжены. Все так же временами находил дождь, резко сокращавший и без того плохую видимость. Вокруг никого не было. Так шли до рассвета.

Едва начало светать, дождь кончился. С юга шла тяжелая океанская зыбь, порывистый юго-восточный ветер слабел. Вдруг в 03:51 позади правого траверза всего в 15 кабельтовых были обнаружены силуэты двух одинаковых однотрубных двухмачтовых кораблей, шедших параллельным курсом.

⁴ Этот эпизод действительно произошел в реальной истории в начале 1906 г. в Средиземном море уже при возвращении «Олега» домой после окончания русско-японской войны. Он является первым официально зафиксированным случаем такого рода в истории отечественного флота. Тогда так же начали лопаться трубки во всех котлах, и в итоге все же пришлось оставить крейсер для ремонта в Алжире. Только после этого он смог добраться до родных берегов.

Примерно в 02:30 с «Нанива» и «Такачихо», шедших на усиление японских дозоров у Симоносекского пролива, в разрыве дождевых шквалов на кормовых углах левого борта был обнаружен трехтрубный крейсер, пробиравшийся на север-северо-запад от острова Ошима. Контр-адмирал Уриу приказал развернуться и ложиться на параллельный курс, приготовившись к бою. Вскоре русского снова удалось обнаружить и надежно опознать. Это был бронепалубный башенный крейсер «Олег» или «Богатырь». Об этом тут же отправили шифрованную телеграмму, получив приказ следить за ним и сообщать о его маневрах. Почти до самого рассвета, скрываясь от русских за их же дымом, «Нанива» и «Такачихо» вели наблюдение.

Обнаружив и опознав японцев, «Олег» первым открыл огонь, стреляя носовыми плутонгами по головному «Наниве», а кормовыми по «Такачихо». Японцы ответили, начав подрезать корму, чтобы поставить русский крейсер под продольный огонь.

Видимость быстро улучшалась, но над водой пока еще держалась дымка. Ветер разгонял остатки ночной сырости и тумана. Вскоре начались попадания с обеих сторон. «Олег» был вынужден часто менять курс, чтобы не позволить японцам громить себя с острых кормовых углов. Тогда в 04:10 японцы разделились. «Нанива» остался висеть на правом траверзе, ведя частый огонь всем бортом, а «Такачихо» начал уходить под корму, стреляя носовыми залпами.

До мыса Коозаки оставалось всего восемь миль, но боевое маневрирование увело русский крейсер много восточнее. Японский перекрестный обстрел был очень мощным и эффективным. Русские пушки замолкали одна за другой. Полноценно отвечать «Олег» мог только «Наниве», обстреливая вертевшегося за кормой «Такачихо» лишь из кормовой башни, стрелявшей заметно реже казематных и палубных пушек.

«Нанива» тоже получал попадания, и его огонь несколько ослаб, но увеличивать дистанцию японцы не спешили, стремясь нанести максимальный ущерб. В 04:22 «Олег» получил попадание 152-миллиметрового снаряда в корму, от чего нарушилась работа телемотора рулевого привода, и крейсер покатился в неуправляемую циркуляцию вправо, прямо на «Наниву».

Японцы сначала приняли это за попытку тарана, начав маневр уклонения. Но быстро разобрались, в чем дело, вернувшись на прежний курс, резко усилив обстрел и начав приближаться. Попадания в «Олега» участились, начались пожары. В то время как русским комендорам стрелять в продолжающемся развороте было затруднительно.

Починить руль удалось лишь через десять минут, когда крейсер описал полный круг. Для исправления повреждения истратили три пуда глицерина, залив его в восстановленную магистраль. Положение было критическим. Носовую башню заклинило, кормовая действовала только на ручном управлении. Половина палубных и казематных пушек вышла из строя, начались сильные пожары в корме и на рострах. А японцы все наседали. Из-за пробоин в трубах упала тяга, и ход снизился до десяти узлов. Крейсер с большим трудом мог управляться.

В 04:38 из-за мыса Коозаки, видневшегося на западе на расстоянии уже меньше четырех миль, показались большие шапки дыма. Еще несколько дымов быстро приближались со стороны бухты Миура. Восстановив управление, «Олег» продолжал отходить на запад. В этот момент «Нанива» расходился с ним контркурсом правым бортом на расстоянии всего в шесть кабельтовых. Едва ворочавшаяся кормовая башня дала двухорудийный залп, легший под самым бортом японца. Даже без бинокля было видно, как всплески от этих двух снарядов окатили шкафут «Нанивы». Без сомнения, снаряды легли в ватерлинию.

Оба эти снаряда были фугасами, что спасло японцев от более тяжелых последствий. «Нанива» получил две пробоины ниже ватерлинии в нижней яме правого борта первой кочегарки, уже почти пустой. Ее, а через разодранную осколками переборку и соседний такой же бункер, быстро затопило, начав заливать и верхнюю яму, где угля не было. Вода разливалась вдоль скоса бронепалубы и над ней, вызвав крен в пятнадцать градусов. С большим трудом дальнейшее затопление удалось остановить. «Такачихо» сопровождал поврежденный флаг-

манский крейсер до Икисимы. Радио вышло из строя из-за повреждений, что не позволило мало пострадавшему «Такачихо» принять участие в дальнейших событиях.

То ли повреждения от этих попаданий оказались достаточно серьезными, то ли не желая иметь дело с тем, кому принадлежали приближающиеся большие дымы, японцы начали отходить на восток, продолжая обстрел, пока снова не хлынул дождь. «Олег» активно маневрировал и стрелял в ответ, но попаданий больше не добился, сам получив еще два снаряда, один из которых проделал большую пробоину в подводной части левого борта в нижней угольной яме второго котельного отделения, которую быстро затопило. От этого возник крен на левый борт в пять градусов, и через пробоины в корме теперь заливало жилую палубу. Затопления в корме удалось остановить, заделав течи и дыры подручными средствами, но с креном справиться не удавалось.

Дойдя до Коозаки, с «Олега» увидели, что большие дымы, спугнувшие японцев, принадлежали двум небольшим трофейным пароходам из состава тральных сил Озаки, которые встревоженные приближавшейся перестрелкой поднимали пар в котлах, чтобы покинуть опасный район. Трофейный японский уголь жутко дымил.

От Миура подошли три номерных миноносца. Когда японские крейсера совсем пропали из вида, начали формировать походный ордер, для перехода в Озаки. На «Олеге» к тому времени удалось остановить распространение воды, и он мог уверенно держать десятиузловой ход. Пожары взяли под контроль, но дым еще густо валил из офицерских кают и со шкафута. В голову строя вышли оба парохода, поставившие трал, за ними двинулся крейсер, а миноносцы держались восточнее, пока огибали южную оконечность Цусимы, чтобы прикрыть от возможных японских атак.

Затем они перешли на левый борт крейсера, держась в полутора-двух милях западнее, и так провозжали его до Цусима-зунда. При этом в трале, буксируемом пароходами, когда уже приблизились к форту Гоосаки на пять с половиной миль, взорвалась мина. После чего небольшой караван вышли встречать еще две пары тральщиков-миноносков, благополучно приведших «Олега» в Озаки, где он встал к борту «Камчатки» для ремонта.

* * *

Расставшись с «Олегом», Добротворский продолжал гнать оставшиеся три крейсера на randevу с флотом. Для компенсации вынужденной задержки ход увеличили, вскоре достигнув острова Фукуэ. Когда впереди по курсу на несколько секунд сверкнул яркий свет, на шедшей в голове колонны «Авроре» решили, что это маяк Таманоура, на западной оконечности острова Фукуэ. Всех удивило, что он работает в военное время. Ход снизили, передав сообщение о близости земли дальше по отряду. На других крейсерах этого света не видели из-за дождя.

Начав склоняться влево, чтобы обогнуть скалистый мыс, на котором стоял уже не видимый в темноте маяк, обнаружили справа по борту в просвете дождя куполообразный островок. Возле маяка такого островка не должно было быть. Судя по описанию в лоции, это был остров Буро, лежащий у мыса Таишозаки, почти в четырех милях от предполагаемой точки нахождения отряда. Об этом немедленно сообщили на остальные корабли, внося соответствующие поправки в штурманские прокладки.

В этот момент за кормой замыкавшего строй «Светланы» была обнаружена неясная тень, двигавшаяся на юго-запад. Что это было за судно, разглядеть так и не удалось. Оно, не проявляя беспокойства, быстро скрылось из вида. Это сильно встревожило Добротворского. Он распорядился внимательно следить за радиоэфиром и забивать любые близкие передатчики немедленно. Но пока все было тихо.

Огибая юго-западную оконечность Фукуэ, удалось надежно определиться по горе Хошияма, подтвердив уже известную невязку места. Никаких признаков беспокойства противника по-прежнему не было. Оставив по правому борту едва угадывающуюся за пеленой дождя двугорбую тень острова Сагано, еще совсем недавно бывшего временным приютом для всей эскадры, отряд продолжал быстро продвигаться на север-северо-восток, вдоль западного побережья Готских островов.

Потеряв время на возню со своим бывшим флагманом, Добротворский теперь вынужден был наверстывать. Дальнейший курс проложили к маяку Сиросе. Чтобы прибыть на место вовремя, было приказано держать семнадцатиузловой ход. Тяжелее всех в этой гонке приходилось «Авроре», как изначально самой тихоходной. Но с момента переезда командира отряда со своим штабом на «Богатыря», оказавшись головным в колонне, крейсер капитана первого ранга Егорьева уверенно держал свое место и предписанную скорость.

Мглистая погода, временами переходящая в мелкий дождь, не позволяла уточнять свое место астрономическим способом. Чисто случайное определение координат по юго-западной оконечности Фукуэ было пока единственной привязкой на всем переходе в условиях порывистого бокового ветра, попутной зыби – отголоске стихающего сильного шторма и добавившихся теперь еще и течений, малоизвестных и порой даже разнонаправленных в прибрежных водах.

Снижать скорость было нельзя, оставалось надеяться на штурманское чутье и зоркость впередсмотрящих. Наблюдение за горизонтом и морем под бортом, а особенно прямо по курсу велось постоянно, причем сигнальщики и впередсмотрящие сменялись каждые полтора часа, пока глаз не успевал «замылиться» в ночной мгле, разбавленной дождевыми разводами. Возможно, именно это и спасло крейсера от гибели.

Когда в начале двенадцатого часа ночи с четвертого на пятое июля только что заступивший на пост впередсмотрящий на баке «Авроры» заорал, что видит маяк прямо по курсу, а сразу за этим и буруны справа по носу, в ходовой рубке успели перевести ручки машинного телеграфа на «стоп машина», а затем сразу же на «полный назад» левой машине, переложив руль до упора влево.

Благодаря принятым мерам, крейсер успел уклониться влево, с лихим креном пройдя на расстоянии прямой видимости торчавших из воды двух скал в виде гигантских зубов, на большей из которых возвышалась белая башенка маяка. С палубы и мостика был прекрасно виден прибой, окутывавший белой пеной этот разломленный островок, и уходящий от него на северо-запад риф, постепенно понижавшийся до уровня моря. Это мог быть только маяк Сиросе.

Державшиеся позади крейсера так же круто положили лево руля и избежали мели. Благодаря большой дистанции между кораблями, столкновений тоже не было, хотя строй смешался. По расчетам штурманов маяк должен был остаться правее, в стороне от курса отряда. Вероятно, дрейф от ветра оказался меньше предполагаемого, а от течений, наоборот, больше.

Чтобы безопасно обогнуть рифы, отряд развернулся на северо-запад, держа малый ход и ведя постоянный промер глубин. Выйдя на глубокую воду, снова построились в кильватер, начав вскоре склоняться к востоку, постепенно выйдя на исходный северо-восточный курс. Опять дали полный ход, стремясь компенсировать новую задержку. Неожиданное маневрирование у маяка увеличило общее отставание от графика выдвижения на исходные позиции почти до часа, наверстать которое до соединения с главными силами флота крейсера так и не успели.

Приблизившись к проливу Хирадо, ход снизили. Сразу обнаружили неизвестное судно, шедшее без огней в пролив. Преследовать его не стали. Справа по борту проплывали тени островов Икитсуки и Азуши-Ошима. Скоро впереди открылся островок Футагами, лежащий уже на входе в пролив Кии. Его обогнули с юга, обнаружив в отдалении справа несколько судов,

двигавшихся в направлении селения Хирадо, на северной оконечности одноименного острова. Их тоже не трогали, боясь спугнуть возможную добычу впереди.

Когда справа по курсу открылся остров Мадара, взяли чуть левее, войдя в пролив Кию. Теперь со всех крейсеров наблюдали вокруг интенсивное судоходство из малых каботажных пароходов и парусников всевозможных типов и размеров. Воды между мысом Коямазаки на южной оконечности острова Икисима и островами Мадара и Какара у южного берега пролива были буквально забиты судами, шедшими как от Симоносекского пролива, так и к нему. Все они двигались с погашенными ходовыми огнями, зато навигационные знаки на берегах самого пролива горели, хотя и вполнакала.

Быстро втягиваясь в промежуток между островом Икисима и рифами Хенджима и Куджима, лежащими на севере, и островами Мадара и Кокора – на юге, все еще не обнаруженные противником, крейсера открыли ураганный огонь на оба борта по множеству хорошо видимых целей, не используя боевое освещение. В проливе сразу началась паника. Навигационные огни на берегу погасли. Кто-то пускал сигнальные ракеты, но ответного огня не было. Результатов собственной стрельбы разглядеть не удалось из-за ночной тьмы и большого хода крейсеров. Все наблюдатели были ослеплены вспышками первых же выстрелов, что вынудило снова заменить сигнальные вахты.

Но, форсируя самую узкую часть пролива, с «Богатыря» и «Светланы» наблюдали не менее пяти парусных и паровых судов на отмелях вдоль берегов Кокоры и скалах Хенджимы, часть из которых горела, освещая море и собратьев по несчастью вокруг. Кроме этих пятен света, все остальное полностью скрывалось в ночной тьме. Воды пролива совершенно опустели. Вероятно, все, кто здесь был, оказались либо на рифах, либо уже на дне. Заниматься спасательными работами и сбором пленных не стали. Времени для этого не было.

Как только русские начали стрелять, оказавшаяся у них на пути японская мелочь из прибрежного каботажника поспешила укрыться под берегом. Вспышки выстрелов были хорошо видны и позволяли определять, где находятся источники опасности. Но они приближались довольно быстро, вынуждая суетиться свои потенциальные жертвы.

В результате пароход «Рюхо-Мару» в 578 тонн, везший среди прочих грузов еще и керосин в жестяных банках, выскочил на камни Хенджимы. Часть этих жестянок раскатилась и была раздавлена другими грузами. От случайной искры керосин загорелся. Оказавшиеся рядом несколько рыбацких и каботажных судов тут же занялись спасением экипажа аварийного судна. Их надстройки и мачты ярко озарялись отсветами пожара.

Более никто не затонул. Еще три судна получили незначительные повреждения от обстрела, но, благополучно отстоявшись под берегом, самостоятельно продолжили движение с рассветом. Какими силами было произведено нападение на пролив, японцы так и не поняли. С атакованных транспортов и береговых постов сообщали о пяти больших кораблях или даже более.

Когда, немного погодя, в отсветах горящих судов слева показался остров Орано с горой Нукаяма, обнаружили световую сигнализацию с вершины горы. Одновременно начали принимать знаки японского телеграфирования по радио. Сигнал был сильный, видимо, станция находилась совсем рядом. Крейсера вошли в море Дженкай-Нада, громко заявив о себе.

Сыграли дробь артиллерии, оставаясь по-прежнему в готовности к немедленному открытию огня. Кранцы первых выстрелов пополнялись по усиленной норме, а сигнальные вахты удвоили и лишней раз «накачали» на предмет повышенной бдительности. Пушкарям вставили «фитиль» за стрельбу до сигнала ревуна, что привело к ослеплению верхней вахты, старший артиллерист лично прошел по плутонгам, напоминая правила ночного боя.

Хотя, покинув опасные в навигационном отношении воды, держали максимально возможный ход, к назначенному времени все равно не успели. Это привело к тому, что броненосцы Рожественского были вынуждены начать штурм Симоносеки без поддержки скорострелок своих бронепалубников и без надежной авангардной разведки, так как рассвет застал их в виду неприятельского берега еще до того, как Добротворский достиг назначенной точки rendez-деву.

Уже занявшие исходные позиции для решающего броска «Орел» и «Бородино», в сопровождении нескольких вспомогательных кораблей и отряда контр-адмирала Небогатова под прикрытием отвлекающих действий минных сил флота в заливе Вакамацу, приблизились вплотную к северному устью Симоносекского фарватера пятого июля, как только начало светать.

Глава 3

Японские дозорные силы у Цусима-зунда были атакованы вечером четвертого июля. В начале седьмого часа пополудни пять русских номерных миноносцев бросились на дежурившие у входных створов истребители первого отряда. Поскольку «Акацуки» находился в ремонте в Мозампо, капитан первого ранга Фудзимото, начальник отряда не решился ввязываться в бой с превосходящими силами противника и предпочел отступить к корейским шхерам, за остров Ару-сому, а затем вдоль берега к северо-востоку.

До того как село солнце, с его кораблей видели дымы крупных паровых судов на востоке, двигавшиеся вдоль цусимского берега к Оочи, о чем все время телеграфировали в Мозампо по радио. Установить численность и состав обнаруженных сил не позволяли русские миноносцы и истребители, атаковавшие всякий раз, как японцы пытались приблизиться. Все прилежавшие к Цусимским островам воды просматривались с русских аэростатов, постоянно висевших над Озаки и Оочи. Возможно, именно по их наводке и действовали контрминоносцы, так как при начале сближения они неизменно оказывались на пути Фудзимото.

Радиотелеграфированию никто не мешал, но эфир буквально трещал от множества отправляемых обоими противниками телеграмм. В конце концов, японцы были вынуждены отступить, так как обнаружили перископ подводной лодки в непосредственной близости от головного в строю «Харусаме». Резким маневром и сосредоточенным огнем из всех стволов артиллерии атаку удалось предотвратить, но телеграмма об этом контакте перед самым заказом вынудила отказаться от немедленного использования тяжелых кораблей для перехвата русского флота, предположительно покидавшего ловушку Цусимы, в которую он сам залез.

Вместо этого в море были высланы все наличные минные силы – от паровых катеров с подрывными зарядами и древними шестовыми минами и минами заграждения до истребителей и миноносцев, даже с минимальными запасами топлива и воды. Чтобы не мешать им, дозорные линии севернее Цусимы в Корейском проливе временно сворачивались. Всем судам, задействованным в этих дозорах, предписывалось укрыться в Фузане и бухте Унковского.

Вскоре после заката был установлен боевой контакт с русским головным дозором, наткнувшимся на катера и шхуны отряда «Кокутай», покинувшего Фузан полтора часа назад. Яростная стрельба из скорострелок и пулеметов, далеко разносившаяся над водой, дала достаточно надежный ориентир для всех остальных японских отрядов, начавших стягиваться к северо-западной оконечности Цусимы.

Звуки боя и вспышки орудийного огня постепенно смещались к северу, притягивая к себе все новые японские силы. Но поскольку на кораблях отряда «Кокутай» не имелось никаких средств связи кроме флажного семафора и сигнальных фонарей, точно прояснить обстановку не удавалось до половины десятого вечера.

Лишь когда в бой на ближней дистанции ввязались истребители капитана первого ранга Фудзимото, стало известно о больших кораблях, прорывающихся на север от Озаки под прикрытием миноносцев и истребителей. Атаковать их не удалось, но было достоверно установлено, что они способны поддерживать высокий эскадренный ход и ведут точный огонь из скорострельных противоминных и среднекалиберных орудий.

Поскольку боевым освещением они не пользовались, контакт был вскоре потерян. Уже глубокой ночью из Мозампо вышли все три броненосных крейсера, а также «Акаси» и «Цусима». К ним присоединились пять вспомогательных крейсеров из состава дозорных сил, после чего японцы двинулись вдоль корейского берега на северо-восток, чтобы с рассветом перехватить русских и навязать им бой, если те все же уцелеют после ночных атак.

Ускользнуть на этот раз у них шансов не было. Для страховки решено было поднять по тревоге и всемерно усилить дозоры у Симоносеки и залива Вакамацу, так как ожидалось

отвлекающие атаки легких сил или русских крейсеров на этих направлениях. Но из-за трудностей со связью, после потери Цусимы и проходивших через нее кабельных телеграфных линий, исполнить это распоряжение удалось лишь после полуночи.

К этому времени с Икисимы уже сообщили по радио об интенсивной стрельбе в проливе Ики и наблюдаемых всполохах пожаров. Затем все стихло. По сведениям сигнальных постов, противник значительными силами атаковал прибрежное судоходство в проливе, после чего скрылся в неизвестном направлении. Это сообщение, благодаря двум авизо, занявшим позиции на линии между Окиносимой и Фузаном и исполнявшим роль ретрансляторов, дошло до Мозампо по радио даже быстрее, чем по проводной телеграфной линии из Сасебо через Чемульпо.

Среди множества донесений о действительных и ложных контактах с неизвестными судами в Цусимских проливах, а также восточнее и даже южнее, совершенно незаметно проскользнул доклад о нарушении работы телеграфной линии Кагосима – Окинава – Формоза, что было, по всей вероятности, делом рук ушедших с Цусимы к югу русских больших вооруженных пароходов. Этот рапорт вполне укладывался в теорию активных отвлекающих действий крейсеров противника, поэтому тревоги и немедленных ответных действий не вызвал. Ограничились продлением запрета судоходства в тех водах, переданным в Гонконг, Шанхай и Манилу.

Охранявшие коммуникации южнее Готских островов крейсера «Нанива» и «Такачихо» вечером четвертого июля получили приказ выдвигаться в район между островами Окиносима и Икисима, для прикрытия восточных дозоров от возможных отвлекающих атак. Около трех часов ночи с «Нанива» была получена шифрованная телеграмма о том, что обнаружен русский башенный крейсер, пробирающийся к Цусиме от Готских островов. Контр-адмирал Уриу получил приказ следить за ним, после чего связь с его кораблями была потеряна.

Нападение на суда в проливе Ики, обрыв телеграфа, потом этот крейсер – все это по-прежнему было похоже на попытки отвлечь внимание от главного направления, поэтому серьез не воспринималось. Главные силы японцев продолжали выдвигаться к Мацусиме, для перехвата противника, который, как считалось, прорывался на север. О результативности минных атак пока ничего не было известно, кроме того, что второй и третий отряды «Кокутай», имевшие с ним контакт, понесли потери, не добившись результатов.

А между тем севернее Цусимы, после пары коротких яростных перестрелок, все совсем стихло. Миноносцы, получившие приказ передвинуться к северо-востоку, впустую резали своими острыми форштевнями ночные воды Японского моря. Лишь перед самым рассветом были обнаружены быстро отходящие на север большим ходом крупные суда, но сблизиться для атаки или хотя бы опознать их не удалось, так как они изменили курс и вновь пропали в темноте.

Утро началось с потока панических телеграмм из залива Вакамацу. Вскоре после рассвета, когда еще держался густой туман, в штаб действующей эскадры в Мозампо по радио пришла телеграмма теперь уже с сигнальной станции на острове Осима о доносящихся с запада звуках артиллерийского боя. А спустя два часа по телеграфу пришло известие о нападении на залив Вакамацу. Поскольку там были замечены только миноносцы, это сначала тоже не вызвало беспокойства. Хотя сразу уточнить ситуацию по радио не удавалось. Оба ретрансляционных авизо телеграммы принимали, но дальше к востоку связи уже не было.

Прошло совсем немного времени, и снова по проводным линиям пришло сообщение из крепости Бакан о нападении на северное устье Симоносекского фарватера. А из района севернее Цусимы новостей все не было. Сначала это также считали отвлекающим маневром хитрого лиса Рожественского, обеспечивающим его прорыв во Владивосток. Но очень быстро стало ясно, что отвлекающими были все предыдущие его действия.

* * *

Как только начал стихать шторм, Рождественский приказал готовить тральные партии к очистке фарватеров. Хотя всерьез завалить минами прилегающие к Цусима-зунду воды японцы еще не успели, риск нарваться на шальную мину или даже целую минную банку все же был достаточно велик.

За прошедшее со штурма Цусимы время на всех кораблях очистили днища от водорослей и моллюсков, перебрали и отрегулировали машины, провели щелочение котлов. Приняли полные запасы топлива и усиленные почти до двух норм боекомплекты скорострельных орудий. Ящики с трехдюймовыми снарядами были рассованы практически по всем углам. Эскадра увозила с собой весь запас 75-миллиметровой шрапнели, так как основными целями корабельной артиллерии в предстоящей операции должны были стать береговые батареи.

Штормовая погода дала небольшую передышку экипажам, попутно предоставив время, чтобы освободить дополнительные помещения для размещения войск на «Тереке». В то же время у штаба появилась возможность более детально проработать предстоящую операцию. Сопровождения старших офицеров кораблей и флагманов шли чуть ли не круглые сутки. После появления дальнобойной нарезной артиллерии ни в одном флоте мира даже не думали атаковать защищенные мощными фортами проливы и расположенные в них охраняемые порты. И, тем более, не начинали столь серьезного дела без предварительного сосредоточения сил.

Но у русских на это просто не было времени. В штабе Рождественского опасались, что японцы могут резко усилить береговую оборону исходя из полученного урока у Майдзуру и Цусимы. Несмотря на огромный риск, на который шел Тихоокеанский флот в этом деле, шансы на достижение большого тактического успеха с далеко идущими перспективами, пусть и ценой серьезных потерь, были достаточно высоки. В то время как сбережение флота, в свете складывающейся общей военной и политической ситуации, сводило на нет все прежние победы и гарантированно вело к проигрышу в стратегической перспективе.

Посылка быстроходных транспортов-гонцов к крейсерам на Окинаву и во Владивосток увеличивала вероятность того, что удастся добиться согласованных действий всех участвующих в операции боевых групп и своевременной посылки конвоя со снабжением, но поскольку подобного никогда ранее не практиковалось, всех терзали большие сомнения. Слишком от многого зависел успех. И в первую очередь, от внезапности нападения на решающем направлении, поэтому большое внимание уделялось соблюдению строжайшей секретности и тщательно спланированным отвлекающим действиям.

В общих чертах окончательный план был таков. Ближе к ночи четвертого июля при помощи трех уже разгрузившихся быстроходных транспортов «Джина», «Воронеж» и «Калхас», прикрываемых всеми минными силами, планировалось имитировать попытку прорыва флота с Цусимских островов на север во Владивосток или Гензан. Для большей убедительности каждый пароход должен был тянуть за собой по две баржи на длинных буксирных концах.

Эти баржи, груженные японским углем, пролитым машинным маслом, смешанным с керосином и подожженным перед началом движения, должны были дымить за весь флот. Открытого огня сваленный в кучу японский уголь не давал, а вот дымил после такой проливки изрядно. Это проверили опытным путем, попутно выяснив, что обычная портовая баржа выгорает и идет ко дну только после шести часов использования. Двенадцативесельного деревянного баркаса, груженного бочками с таким углем, хватает на полтора, максимум два часа. Железный держится несколько дольше.

Пока пароходы будут имитировать выход флота, миноносцы и истребители при помощи указаний с аэростатов будут гонять японских соглядатаев, не давая им разоблачить обман. Как стемнеет, транспортам следовало утопить баржи и налегке полным ходом прорываться на

север под непосредственным прикрытием наших номерных миноносцев, активно действующих против дозорных сил противника и отходящих затем к бухте Миура.

Все шесть имевшихся у Тихоокеанского флота эсминцев должны будут обеспечивать дальнейшее прикрытие при выдвижении пароходов севернее Цусимы, а с темнотою скрытно совершить бросок на северо-восток к эскадре, покинувшей Озаки вечером и обогнувшей Цусиму с юга. Однако еще до того, как эсминцы соединятся с броненосцами, им предстоит на рассвете атаковать японские суда в заливе Вакамацу.

Таким образом, первой задачей истребителей после выхода из Озаки было прикрыть номерные миноносцы и вместе с ними не допустить прорыва легких разведочных сил противника к отвлекающему конвою, чтобы не позволить раскрыть обман. А второй – уже после ночного рывка на юго-восток и достижения залива Вакамацу отвлечь японские дозоры от северной части судоходного фарватера Симоносекского пролива.

Изначально, учитывая важность обеих задач, планировалось усилить минные отряды «Жемчугом». Но от этого отказались, чтобы избежать возможного «дружественного огня» в ночных свалках на короткой дистанции. Кроме того, оставлять броненосцы совсем без крейсерского прикрытия на переходе от Цусимы до Симоносеки не решились.

Косвенным усилением отвлекающего отряда должны были стать действия подлодок. Еще утром, в крайнем случае днем, если позволит погода, к острову Корджедо для демонстрации планировали отправить одну или две лодки, чтобы сковать действия главных сил японцев хотя бы на первое время и вынудить их убрать из проливов крупные корабли.

Несмотря на опасную близость передовых японских баз, шансы на успех прорыва конвоя были достаточно большими. Пока японцы, учтя присутствие подлодок, собирают силы для атаки наших пароходов, уже стемнеет. А ночью можно будет оторваться от противника, используя большой ход разгруженных судов.

В это время вся эскадра, обогнув Цусиму с юга, стремительным броском на восток достигает исходных рубежей для штурма Симоносекского пролива. Бронепалубные крейсера с Окинавы должны были подойти туда самостоятельно и выйти на связь с истребителями и главными силами. В отправленных с пароходами приказах Добротворскому все было расписано достаточно подробно, так что в дополнительных инструкциях он не нуждался. Ну а дальше уже бой покажет.

Вероятность незаметно проскочить до самого фарватера считалась достаточно большой. Предполагалось, что с началом выдвижения на север наших отвлекающих судов с Цусимы японцы полностью закроют судоходство в проливах Кии, Хирадо и из Симоносеки в направлении портов южной Кореи. Действия крейсеров должны будут их дополнительно простимулировать к этому.

Далее, если удастся обеспечить скрытность выдвижения главных сил, истребители отправляются в залив Вакамацу и действуют по плану, в то время как броненосцы и крейсера начинают атаку северного устья западного рукава Симоносекского фарватера, выбранного основным для прорыва через пролив.

До рассвета эскадра должна была соединиться с крейсерами на исходных рубежах для атаки, построиться в боевой порядок и изготавиться к штурму укреплений. Начать форсирование пролива планировалось, как только удастся надежно определиться по береговым ориентирам. Учитывая его значительную протяженность, продвигаться по фарватеру предстояло с максимальной быстротой, чтобы не позволить японцам заблокировать узкую часть.

С началом штурма истребителям надлежало прекратить действия в заливе Вакамацу и сразу атаковать возможные японские дозорные суда в самом проливе у южной оконечности острова Хикошима. После чего двигаться впереди главных сил для ведения разведки береговой обороны по пути движения эскадры и для пресечения попыток перекрыть фарватер действиями из портов Симоносеки и Модзи, располагавшихся в самом проливе.

С утра 4 июля отложенные из-за непогоды приготовления к выходу флота были возобновлены. Контрольное траление регулярно проводилось русскими и ранее, поэтому не должно было встревожить противника. Движение японских дозорных судов достаточно плотно контролировалось сетью наших береговых наблюдательных постов, а по мере улучшения видимости и ослабления ветра еще и с вновь поднятых в Озаки и Окочи воздушных шаров.

Подлодки «Сом» и «Фельдмаршал граф Шереметев», единственные способные на тот момент выйти в море, покинули Озаки сразу после обеда, двинувшись на северо-запад. Планировалось достигнуть корейских шхер в надводном положении и, пройдя в таком виде вдоль берега у главных японских фарватеров бухты Чинхе, обеспечить свое обнаружение береговой обороной противника, после чего скрытно покинуть неприятельские воды. Но вскоре после выхода тяжелой зыбью, шедшей с океана, на «Соме» сорвало лист обшивки надстройки в корме. Это вынудило подлодку срочно вернуться в базу. «Шереметев» продолжал поход в одиночку. Однако вскоре и на нем из-за ударов волн вышли из строя приводы носовых горизонтальных рулей. С большим трудом удалось исправить повреждение, но до темноты добраться до острова Корджедо уже не успевали.

К тому же пришлось погружаться, так как с юга показались дымы и мачты нескольких кораблей. Вскоре стало ясно, что дымы идут прямо на лодку. Ведя постоянное наблюдение через перископ за приближающимися кораблями, командир «Шереметев» лейтенант Заботкин маневрировал для выхода в атаку. Когда в них опознали три японских истребителя, он стал действовать осторожнее, лишь на время поднимая перископ, чтобы не выдать себя раньше времени.

Но видимо, из-за волн при одном из всплытий под перископ лодку выбросило на поверхность. Хотя над водой показалась лишь рубка, и то ненадолго, этого оказалось достаточно. Немедленно начатый обстрел заставил уйти на глубину, отказавшись от продолжения атаки. Когда стрельба прекратилась, в перископ было видно только уже удалявшиеся большим ходом японские корабли. Однако, несмотря на сорвавшуюся атаку, главная цель похода была достигнута. Противник теперь знал, что наши лодки в море.

* * *

До начала улучшения погоды японцы не показывали никаких признаков беспокойства. Когда во второй половине дня 3 июля в еще штормовом Корейском проливе вновь появились их дозорные вспомогательные крейсера, они все время держались на приличном расстоянии от западного побережья Цусимы, не пытаясь приблизиться.

С утра 4 июля вспомогательные крейсера появились снова, но по-прежнему не проявляли излишнего любопытства, не став препятствовать начатым тральным работам. Сменившие их, по мере улучшения погоды, три истребителя также держались достаточно далеко от берега, ограничившись наблюдением за устьем Цусима-зунда.

Судя по всему, последовавшая вечером атака этого дозора нашими миноносцами не стала для японцев чем-то из ряда вон выходящим. Не было отмечено никакого всплеска активности в переговорах по беспроволочному телеграфу. Такое уже случалось и раньше, причем не однажды. Не приняв боя, противник охотно отошел за остров Ару-Сому. Его не преследовали, но продолжали наблюдать с аэростатов, сообщая обо всех маневрах. Когда эти же три истребителя попытались приблизиться к Цусиме, но уже севернее, их снова встретили, заставив отвернуть. К этому времени отвлекающий конвой уже начал свое движение, и его дымы наверняка были видны японцам.

Они начали активный радиообмен, явно клюнув на наживку. Скоро с шара над Окочи сообщили, что наблюдают движение паровых судов северо-восточнее и восточнее Цусимы в направлении отвлекающей группы. Из-за большой дальности и начинавшихся сумерек опре-

делить типы приближающихся судов не удалось, но шли они не быстро. До заката насчитали уже пять вымпелов, шедших с разных румбов примерно в пятнадцати – девятнадцати милях курсом на северо-восток. Их скорость была определена в десять, максимум двенадцать узлов, так что до темноты они никак не успевали выйти к конвою.

Когда в 19:40 с «колбасы» висевшей над Озаки, сообщили, что южнее и западнее Цусима-зунда воды пусты, из пролива между двумя половинками Цусимы начали вытягиваться броненосцы и крейсера. Следуя за парой трофейных пароходов, шедшей, на всякий случай, с тралом по уже протраленному фарватеру, отмеченному вехами, эскадра вытянулась в длинную колонну, медленно продвигаясь на запад по кратчайшему расстоянию до безопасных в минном отношении вод.

Ход вынужденно держали не более пяти узлов, так как тральная пара на большее была не способна. Под парами сначала держали только котлы для этого хода, поэтому дыма было не много. Сильнее дымили лишь броненосцы береговой обороны да «Наварин», имевшие старые огнетрубные котлы, которые нужно было долго раскочегаривать. Насколько было видно с эскадры, горизонт был пуст. Аэробнаблюдатели это подтверждали.

Расставшись с тральщиками за стометровой изобатой, все так же не спеша повернули на юг, постепенно ускорившись до девяти узлов. Уголь использовали только отборный боевой, чтобы меньше дымить. Почти достигнув южной оконечности Цусимы, начали поднимать пар во всех котлах, готовясь дать полный ход. Быстро темнело.

Благополучно обогнув мыс Коозаки, расстались с последними двумя сопровождавшими эскадру пароходами, оставшимися под мысом до особых распоряжений, и двинулись к Симонсеки. Обмениваться любыми световыми сигналами было запрещено. Отставшим по техническим причинам судам предписывалось возвращаться в Озаки самостоятельно. Временами находил дождь. С юго-запада шла тяжелая зыбь, быстро начавшая слабеть, как только миновали остров Икисима, оставшийся где-то справа милях в десяти от эскадры.

Около полуночи с юга стали слышны звуки выстрелов. Почти сразу радиостанции всех кораблей начали принимать телеграммы, идущие японским кодом. По нескольким удачно взятым пеленгам определили, что часть неприятельских передатчиков работает к югу от эскадры, на небольшом расстоянии, где по расчетам должны были находиться наши крейсера, но от них никаких известий пока не было. Согласно отправленному им с «Кореей» боевому приказу, они должны были сообщить по радио о встрече с крупными силами противника, если таковая произойдет, но бронепалубники молчали.

После недолгого раздумья решили продолжать движение, предположив, что это Добро-творский добрался до японского прибрежного каботажа, который все же не остановили, и теперь береговые посты подняли тревогу. Вскоре с замыкавшего строй «Донского» доложили, что видели слабый отблеск света. Возможно, это был дозорный пароход, прошедший большим ходом позади эскадры куда-то на юг-юго-восток. Наши корабли с него, похоже, не обнаружили. Вскоре в той стороне, где он скрылся, блеснул луч прожектора, но сразу же погас, лишь быстро скользнув вдаль по горизонту.

Море становилось все спокойнее. Дождь совсем прекратился. Уже на рассвете на «Орле» приняли короткую кодированную депешу от Матусевича, в которой сообщалось, что он находится западнее входа на фарватер, видит брандвахтенный пароход у северной оконечности Айношимы. Его отряды направляются в залив Вакамацу и пока не обнаружены противником. Ему дали «добро», сразу получив квитанцию о получении. Пока все шло по плану. Боевое развертывание для штурма было почти закончено, только крейсера еще не появились, и никто не знал, где они.

Глава 4

В начале шестого утра главные силы достигли точки общего сбора в море Хибики-нада, западнее северного устья Симоносекского фарватера, примерно в пяти милях к северо-западу от низменного островка Оншима. Матусевич к этому времени уже хозяйничал в забитом мелкими парусниками заливе Вакамацу, о чем сообщил телеграммой еще в 04:58. Это подтверждалось быстро разгоравшимся заревом в мгlistой юго-восточной части горизонта. Его было достаточно хорошо видно, хотя броненосцы Рожественского находились от Вакамацу более чем в десяти милях. В штабе не могли понять, что там могло так хорошо и быстро разгореться.

Но, несмотря на столь эффектное начало, общая ситуация была далеко не радужной. Добротворский явно опаздывал, и от него по-прежнему не было известий, так что авангарда атакующей колонны, по сути, просто не имелось. Однако откладывать далее начало атаки было уже нельзя. Пик прилива миновал почти два часа назад, и вода начала убывать. Утренняя дымка быстро редела, и вполне возможно, что эскадру уже обнаружили с берега.

С учетом всего этого промедление было непозволительно, так как быстро сужало возможности для маневра и лишало нас главного козыря – внезапности. Кроме того, в случае дальнейшей задержки переменные приливно-отливные течения в самом проливе могут сильно осложнить дело. Единственный шанс на успех был только в том случае, если удастся уложиться в короткий промежуток перемены направления течений.

Чтобы прояснить ситуацию, Добротворского вызвали по радио, сразу получив ответ, что он на подходе, готов к выполнению поставленной задачи, но будет не ранее чем через полчаса. Узнав об этом, Рожественский приказал начать штурм немедленно. Использовать крейсера, как планировалось изначально, уже не получалось, поэтому их новой задачей становилась закупорка пролива. Вместо головы штурмовой колонны они едва успевали занять место в ее хвосте.

Эскадра быстро набирала ход, перестраиваясь в боевой порядок. С мостика «Орла» постоянно шли флажные и световые семафоры с изменениями в боевых задачах отрядам в связи с непредвиденными обстоятельствами, а на «Урале», начали поднимать шар. Место наблюдателя в корзине снова занял лейтенант Большов, как самый опытный из всех.

Когда аэростат достиг высоты шестьсот метров, стали хорошо видны возвышенный южный берег Симоносекского пролива и вершина горы Конзумакияма на южной оконечности острова Футодзима, лежавшего в пяти милях к северу от входа в западный, почти прямой и самый широкий рукав фарватера. По переданным с шара пеленгам на береговые вершины флагманский штурман Филипповский точно определил место, с удовлетворением отметив, что невязка не превышает одной мили.

Берега и прибрежные острова пока закрывало утренним туманом но, получив надежную привязку, можно было уверенно вывести эскадру на фарватер. Лейтенант Большов сообщил также, что в направлении острова Хикошима, лежащего на самом изгибе пролива, видны дымы нескольких паровых судов, а в стороне Вакамацу поднимается огромный дымный шлейф, быстро разрастающийся и ярко подсвеченный заревом серьезных пожаров снизу.

На юго-западе хорошо просматривались дымы трех больших кораблей, идущих большим ходом, сходящимся с эскадрой курсом примерно в семи-восьми милях от хвоста броненосной колонны. В том, что это были пропавшие крейсера, никто не сомневался. Но, судя по дымам, их было только три, а не четыре, как должно было быть в отряде Добротворского. Похоже, что серьезное стряслось с нашими крейсерами, но прояснение этого вопроса решили отложить до присоединения отряда.

* * *

Капитан второго ранга Матусевич, назначенный старшим над обоими отрядами истребителей трехкорабельного состава, с вечера 4 июля обеспечивал секретность продвижения отвлекающего конвоя. Успешно отразив три попытки прорыва к охраняемым пароходам и потопив несколько мелких судов, все его миноносцы не получили повреждений. Даже уже после наступления темноты он еще полтора часа отбивался от подходящих с запада японских миноносцев и истребителей, совершенно потеряв из вида в ночи все три охраняемых судна, обрубивших буксирные концы дымовых барж и рванувших на север-северо-восток на полном ходу под эскортом номерных миноносцев.

Поскольку баржи к этому времени еще не догорели и тонуть не собирались, флагману всей группы эсминцев пришлось прикончить их огнем под ватерлинию в упор. На стрельбу сбежались остальные корабли отряда, что вызвало короткую, к счастью безрезультатную, перестрелку еще и с ними. Потом появились японцы. Причем один из двух небольших каботажных пароходов, успевших первыми, выкатился прямо на тонущие «имитаторы» и только потом был обнаружен и уничтожен. Второй, державшийся много дальше, успел скрыться, воспользовавшись сильным задымлением района боя. Что он успел разглядеть, никто сказать не мог. Следом за этой парой были другие, небольшие паровые и парусные суда. Сомнений в том, что все они военные, не было, поскольку каждый яростно отстреливался из мелких пушек или пулеметов.

Убедившись, что все баржи пошли ко дну, Матусевич еще какое-то время продолжал продвигаться с боем на северо-восток, не пропуская противника восточнее своего отряда. Впереди по курсу вскоре также началась канонада. Причем с использованием довольно серьезных калибров. То ли японцам все же удалось найти транспорты, то ли «сыны Ямато» ввели в дело свои крейсера, было не ясно. С эсминцев крупных целей до сих пор не видели. Зато всяких мелких судов, явно имевших агрессивные намерения, становилось все больше.

Хлопки скорострелок севернее Цусимы теперь практически не стихали. Строй эсминцев распался, и каждый действовал самостоятельно или в составе пары, на которые корабли были разбиты перед походом. В этих перестрелках повреждения получили «Бодрый» и «Громкий», но боеспособности поврежденные истребители не потеряли и сохранили ход.

Наконец, сочтя свою задачу на первом этапе выполненной, Матусевич подал условный сигнал ракетами и развернул оба отряда на юго-восток, держа ход в пятнадцать узлов, чтобы гарантированно не было факелов из труб. Номерные миноносцы по этому сигналу должны были еще какое-то время оставаться в этом районе, прикрывая отрыв истребителей на юго-восток и транспортов на север, после чего уходить в Окости.

Оставляя за кормой периодически возобновляющуюся перестрелку, эсминцы парами растворились в ночи. Никаких ориентиров вокруг видно не было. О близости Цусимы говорил доносившийся даже сюда свежим ветром запах преющего сена, смешивавшийся с «благоуханием» уже начавших гнить водорослей, выброшенных на берег штормом, и с каким-то необычным, кисловатым оттенком, вероятно от хвои цусимских сосновых лесов.

Острова вокруг Владивостока пахли совсем по-другому. Там преобладали ароматы полевых цветов, распространявшиеся на несколько миль, и специфический запах нагретой солнцем земли. Только теперь, когда миноносцы вышли из боя, на это обратили внимание. Раньше как-то все было не до того. Ни когда шли к Цусиме с десантом, ни потом, осваивая ее. Игравший в жилах адреналин заглушал все. Сейчас же, когда напряжение после схватки начало отпускать, вдруг неожиданно пришли в голову такие лирические мысли.

Собраться вместе среди все еще беспокойного моря миноносцам удалось лишь спустя почти два часа. К счастью, слабых отсветов использованных при этом пиронафтовых⁵ фонарей противник не заметил. В течение ночи трижды уклонялись от встреченных судов, возможно из японских дозоров, но неважная видимость позволяла каждый раз избегать обнаружения. После полуночи ход увеличили, чтобы успеть до рассвета проскочить пролив.

Сигнальщиков в вороньих гнездах сменяли каждые полчаса, так как их сильно укачивало на зыби. В конце концов, решили вообще не посылать пока людей наверх, ограничившись усиленной вахтой на мостике. Когда по счислению были уже под японским берегом, зыбь пропала почти совсем. На фоне начавшего сереть восточного горизонта обнаружили с левого борта остров Футодзима. Его возвышенности было хорошо видно на фоне зарождавшейся зари. Со стороны пролива белой волной напал туман. Определив примерно свое место, двинулись на юго-восток, к Оншиму, вскоре снизив ход и ведя постоянный промер глубин.

Еще до того, как ползущим навстречу туманом накрыло все вокруг, успели разглядеть острова Оншима и Айношима, а также небольшой пароход у северной оконечности Айношима, у самого входа в фарватер, вероятно брандвахту. По взятым пеленгам определили точное место, прикинув по картам возможный маршрут дальнейшего движения. На эскадру отправили радио о достижении исходной точки для атаки залива Вакамацу и обнаруженном дозорном судне. Очень быстро получили разрешение на начало активных действий и отправили свою квитанцию.

Идя в тумане, в 04:15 повторно обнаружили Оншиму по правому борту в полутора милях. От него двинулись почти строго на юг, огибая скалы, лежавшие к юго-западу от Айношима. Спустившись к югу почти на пять миль, повернули на восток-юго-восток, прямо на вход в залив Вакамацу. Имея точную штурманскую карту, копию трофейной, истребители шли глубинами от трех до четырех метров, к тому же прилив, как раз достигший максимума, добавлял еще пару футов воды под килем, так что плавание было достаточно безопасным.

Никаких дозоров с этого направления у Вакамацу не было, поэтому устья залива удалось достичь совершенно беспрепятственно к 04:45. Внезапно выскочив из дымки в плотном строю, обстреляли входившие и выходившие суда, а также обнаруженный под западным входным мысом брандвахтенный пароход, тут же загоревшийся.

С него отвечали, и то с большим опозданием и не долго, только две небольшие пушки. Но вскоре и они замолчали. Одна из двух выпущенных истребителями торпед угодила брандвахте в нос, окончательно прикончив. С берега вообще не прозвучало ни единого выстрела, лишь взлетело несколько сигнальных ракет, а вскоре где-то поблизости заработал японский беспроволочный телеграф. Мешать ему не стали. Прочитать текст кодированных телеграмм не удалось.

Разделавшись с брандвахтой и разогнав мелочевку в устье залива, оставили «Громкого» дежурить на фарватере. Остальные эсминцы на полном ходу ворвались в сам залив и атаковали целую толпу парусных суденышек всех размеров, курсировавших во внутренней акватории и стоявших на рейде или у причальной стенки селения Вакамацу. Огонь артиллерии дополнялся действиями абордажных команд, снабженных улучшенными «пехотными бомбочками» – гильзами от 47-миллиметровых патронов, заполненными пироксилином и оборудованными запалом, которые прикреплялись куском телеграфного провода к небольшим жестяным банкам с керосином.

Этот элемент экипировки призовых партий миноносцев был введен командирами кораблей именно для набега на залив Вакамацу, о котором было известно как о месте столпо-

⁵ *Пиронафтовые фонари* – фонари, работающие на пиронафте (русский керосин, гораздо менее пожароопасный). Применялись для освещения палуб, когда нужно было уменьшить видимые световые отблески, также вместо электрических ходовых огней, для уменьшения дальности их видимости в случае близкого присутствия противника.

творения мелких парусников, вывозивших преимущественно уголь с местных копей. Расход обычных подрывных патронов, а вместе с ними и времени, в предстоящем деле был бы неоправданно большим. А эффективность малокалиберной артиллерии при уничтожении даже малых деревянных судов вызвала серьезные сомнения. Тогда как взрывы таких поджигательных зарядов должны вызывать сильные пожары, гарантированно уничтожавшие любое мелкое парусное судно. На практике эффект оказался даже больше, чем рассчитывали. Вместо шумной отвлекающей операции получился форменный погром.

Вскоре после начала атаки артиллерию уже не применяли, ограничиваясь короткими пулеметными очередями по парусам только для принуждения к остановке и эвакуации экипажа. После того, как несколько первых шхун мгновенно превратились в огненные облака, японцы делали это весьма охотно. Истребителям оставалось только сблизиться и забросить на палубу покинутого судна зажигательный заряд, безо всяких переговоров и досмотров. Времени экономилась масса.

Поскольку рейд был буквально забит деревянной парусной мелочью, часть из которой к тому же шла груженной углем, гореть было чему. Юго-восточный ветер сносил неуправляемые горящие суда к причалам, где также начинало все гореть. Спустя всего полчаса западную часть залива заволокло густыми клубами дыма, в которых ярко сверкали всполохи пожаров, уже перекинувшихся на деревянные пристани и береговые постройки.

Однако большая часть парусников и несколько небольших пароходов отвернули в глубину залива, в сторону селения Явата, где у японцев был большой металлургический завод и, вероятно, имелась серьезная береговая оборона. Матусевич вознамерился было провести разведку японских укреплений в южной части залива, чтобы затем навести на завод броненосцы. После первого ошеломляющего успеха цель казалась вполне достижимой и очень заманчивой. Призвав сигналом к флагману гонявшиеся за парусниками истребители, начали углубляться в залив, но не успели.

В 05:30 с «Громкого» сообщили, что видят два крупных паровых судна, приближающихся к заливу с севера и северо-востока по фарватеру. Это точно были не наши, поскольку дымы эскадры, поднимавшиеся из тумана на северных и северо-западных румбах, было уже хорошо видно из вороньего гнезда дозорного миноносца.

Получив это известие, Матусевич приказал всем своим миноносцам срочно покинуть залив и продвигаться на восток, отправив телеграмму Рождественскому об успешной атаке Вакамацу. Тут же был получен приказ обеспечить разведку позиций береговой обороны на острове Хикошима и далее к востоку вдоль пролива и не допустить блокирования фарватера. Для поддержки к истребителям направлялся крейсер «Жемчуг». Это было весьма кстати, учитывая появление новых действующих лиц со стороны противника.

* * *

Быстро улучшавшаяся видимость вскоре позволила окончательно сориентироваться на месте по открывшимся даже для сигнальщиков на мостиках больших кораблей островам Оншима и Аиношима. В остатках тумана русская эскадра закончила перестроение, воспользовавшись свободой маневра на глубокой воде.

Изначально планировалось вести бой по последним тактическим разработкам штаба, выделив группу разведки и выявления батарей из крейсеров, прикрываемую броненосцами береговой обороны, держащимися за ними в небольшом отдалении. Эти корабли с гораздо меньшей, чем у эскадренных броненосцев, осадкой могли более свободно маневрировать на мелководье под неприятельским огнем. Потом должна была идти группа подавления из новых броненосцев, следом, на солидном расстоянии, аэростатоносец и второй пароход-крейсер,

охраняемые двумя старыми броненосцами. Они не должны были попасть под огонь береговых батарей и обеспечивали тыл эскадры от возможного появления флота противника.

Но из-за задержки Добротворского «заигрывающий» отряд получился неадекватно слабым и состоял всего из одного крейсера второго ранга. Двинутые ему в помощь малые броненосцы не успевали, так что после завершения перестроения возглавлял боевую колонну только «Жемчуг». На нем из-за собственного дыма, сносимого за корму, и тумана не видели семафоров с флагмана и на полном ходу ушли вперед, как и планировалось.

Но в назначенной точке рандеву крейсеров первого ранга с него не обнаружили. К этому времени он уже на пятнадцать кабельтовых опережал шедших за ним в строе левого пеленга «Ушакова», «Сенявина» и «Апраксина», выжимавших все из своих машин, но все равно отстававших. Туман почти совсем пропал, и все отряды теперь были видны.

В полумиле за малыми броненосцами дымили «Дмитрий Донской» и оба «бородинца», двигавшиеся компактной колонной. В миле позади эскадренных броненосцев двумя парами шли «Урал», «Терек» и прикрывавшие их с тыла пара старых броненосцев Небогатова. Вся штурмовая колонна растянулась в длину на четыре с половиной мили.

Быстро улучшавшаяся видимость теперь позволяла пользоваться флажным семафором для связи. Поэтому, даже не закончив перестроение, Рожественский распорядился довести до командиров всех кораблей последние данные о противнике, полученные от истребителей. После чего приказал увеличить ход до максимально возможных для старых броненосцев четырнадцати узлов, а головным кораблям идти вперед по способности, имея главной задачей – недопущение минирования фарватера и перекрытия его какими-либо другими средствами.

В 05:40 броненосцы первой волны достигли входа в канал. Навигационные знаки, вежи и буи, ограничивающие фарватер, были хорошо видны⁶. Ход снизили до десяти узлов, чтобы уменьшить риск аварий. Попутное течение добавляло к этой скорости еще пару узлов, одновременно осложняя управление. Малые броненосцы старались сохранить строй уступа, развернутого влево, чтобы иметь минимальную ширину строя, не теряя мощи носового огня отряда, так как предполагалось, что форты, охраняющие вход в пролив, будут прямо по курсу на северном и западном берегу Хикошимы или напротив этого острова на южном берегу пролива.

«Жемчуг», также снизивший скорость на мелководье, к этому времени уже огибал Айношиму, втягиваясь в западный рукав фарватера. Держась всего в восьми кабельтовых от этого плоского, заросшего мелкоколесьем и кустарником островка, с крейсера не обнаружили на нем никаких следов укреплений, о чем сообщили сигналом. Дозорного судна у северной оконечности Айношимы, о котором говорилось в телеграмме истребителей, полученной более часа назад, на месте не оказалось. Но дальше по каналу был виден небольшой пароход, направлявшийся к Вакамацу. Возможно, это и была брандвахта.

Дальше, уже под самым берегом Кюсю в устье залива Вакамацу, были едва видны несколько небольших паровых судов, двигавшихся на запад. До них было около пяти миль. Вскоре удалявшийся пароход открыл огонь по тем, что выходили из залива, исходя из чего, на мостике крейсера решили, что те суда, что показались со стороны Вакамацу, были нашими истребителями.

С «Жемчуга» тут же начали стрелять носовым плутонгом по японскому пароходу. Быстро добившись накрытий, перешли на беглый огонь, продолжая движение. «Японец» повернул влево и начал отвечать уже «Жемчугу» из бакового и ютового орудий, одновременно выпустив несколько сигнальных ракет.

⁶ Симоносекский фарватер интенсивно использовался японскими и иностранными судами в течение всей войны, поэтому навигационные знаки там не снимали никогда, только выключали береговые огни, и то не всегда. Во время рейдов владивостокских крейсеров к Цусиме отмечались огни крепости Бакан, горевшие даже ночью, когда было достоверно известно о присутствии русских кораблей в Цусимских проливах.

В 05:46 западнее Хикошимы в остатках туманных разводов был обнаружен второй пароход, тут же двинувшийся навстречу крейсеру и открывший огонь с большой дистанции. Перед нашим авангардом теперь был прямой участок фарватера, и командир «Жемчуга» капитан второго ранга Левицкий приказал увеличить ход, желая быстрее сократить дистанцию, чтобы надежно прикрыть свои миноносцы.

Заметив это, оба японских вооруженных парохода начали разворачиваться, собираясь видимо, отходить в глубину пролива. При этом они все так же вели частый огонь. Тем временем обнаруженные у Вакамацу малые паровые суда, уже достоверно опознанные с трех миль как «Невки» второй эскадры, развернулись и двинулись на японцев с кормы. С головного мигал морзянкой фонарь. Сообщали, что южнее Хикошимы никаких судов нет. Батарей на западном берегу этого острова не видно, так же как и на участке побережья от Вакамацу до Кокуры.

К 06:02 на левом траверзе «Жемчуга» был уже лежащий в миле от фарватера плоский скалистый островок Умасима, окруженный рифами, чуть дальше за ним торчал зеленым горбом Мутсуресима, поросший лесом и потому казавшийся лохматым с такого расстояния. У его южной оконечности виднелись два небольших парусных судна и какой-то пароход. На обоих этих островах никаких укреплений не просматривалось.

До западного мыса Хикошимы, где сходились северные рукава фарватера, было менее тридцати кабельтовых, а до устья залива Вакамацу на южном берегу Симоносекского пролива чуть более тридцати пяти. Но ни с Хикошимы, ни со стороны Кокура по-прежнему никто не стрелял. В бинокль было хорошо видно покрытое густой зеленью холмистое побережье, но ни брустверов, ни каких-либо других фортификаций не просматривалось.

В канал уже втягивались «Донской» и большие броненосцы Рождественского, а замыкающая группа с висящим над ней шаром приближалась к входу в фарватер. Японские форты пока не видели ни с авангарда и миноносной разведки, ни с идущих следом кораблей. Никаких укреплений не было видно даже с воздуха. Хотя у Майдзуру и на Цусиме массивные сооружения батарей уже просматривались с таких дистанций через хорошие бинокли и зрительные трубы, даже если их пушки молчали.

Еще на стадии разработки операции в штабе возникла мысль, что узкий, извилистый и сложный в навигационном отношении пролив Симоносеки может вообще не иметь современных береговых укреплений. Теперь, похоже, эта версия подтверждалась, хотя, конечно, еще рано было говорить об этом. Впереди был большой порт Симоносеки, откуда японские пушки уже стреляли по чужим кораблям⁷. Не было достоверно известно, срыли старые форты или нет. На картах они были отмечены, но сведений об их вооружении не имелось.

Таким образом, на данный момент единственным обнаруженным препятствием на пути русского флота оставались два небольших вооруженных парохода, маневрировавших между Хикошимой и входом в залив Вакамацу. Они перенесли огонь своих орудий на истребители, пытаясь заставить их развернуться. При этом достаточно точный обстрел с «Жемчуга» полностью игнорировали. Никаких попыток минирования не предпринимали, но постоянно сигнализировали ракетами и прожекторами куда-то к востоку от себя, также активно работая передатчиками. Телеграммы о больших русских кораблях на выходе с симоносекского фарватера в Японское море шли открытым текстом.

⁷ После заключения Японией явно неравноправных договоров с европейскими государствами и САСШ в стране быстро набирало силу движение по изгнанию варваров. Это привело к обстрелу в Симоносекском проливе американских торговых кораблей и военных кораблей Франции и Голландии, произошедшему 25.06.1863 г. В ответ 20.07.1863 г. военные корабли Англии, Франции, Голландии и САСШ обстреляли береговые укрепления Симоносеки. Начавшиеся переговоры провалились, и в сентябре следующего года военные действия возобновились. Бои продолжались три дня. Был высажен десант. Японцы не могли противостоять современной артиллерии, и 08.09.1864 г. были вынуждены подписать мирный договор, по которому Симоносекский пролив объявлялся экстерриториальным и иностранные суда могли получать там топливо и провизию, а также следовать в любом направлении и вести торговлю.

Вполне вероятно, что в бухточках западного берега Хикошимы скрывались дежурные миноносцы или минные катера. В условиях узкого фарватера они могли оказаться чрезвычайно опасными, но с «Жемчуга» и наших эсминцев пока их не видели. Несколько обнаруженных небольших парусных судов, скорее всего рыбацких, спешно покидались командами и угрозы явно не представляли.

Поскольку все наши корабли теперь были в зоне прямой видимости друг друга, японскому радиотелеграфированию немедленно начали мешать нашими станциями. Догоняющий эскадру отряд крейсеров активно обменивался с ней флажными и световыми сигналами. Часть из них читали на остальных кораблях, и вскоре уже все знали, что «Олег» ушел на Цусиму из-за проблем с котлами.

К 06:08 дистанция от быстро продвигавшегося вниз по фарватеру «Жемчуга» до яростно отстреливавшихся пароходов сократилась уже до двенадцати кабельтовых. В этот момент очередной двухорудийный залп стодвадцаток наконец-то попал в цель. Оба снаряда легли в корму головного японца, вызвав пожар. Вероятно, был поврежден рулевой привод, так как пароход повело влево, на Хикошиму. Тут его накрыл следующий залп, давший еще одно попадание, на этот раз под мостик. Из трубы и вентиляторов выбросило пар, и он начал терять ход, продолжая стрелять по истребителям из носовой пушки.

Русский флот к этому времени уже полностью вошел в узости, потеряв возможность маневрировать. Момент для открытия противником огня был вполне подходящий, и ждать этого долго не пришлось. Но вопреки ожиданиям первые залпы японских батарей прогремели глубоко в тылу эскадры и оказались весьма удачными.

Глава 5

Когда в 06:10 втянувшийся в канал «Урал» огибал Айношиму, идя посередине фарватера в миле с небольшим к востоку от острова, из зарослей на берегу часто застучали выстрелы явно скорострельных орудий. Хотя пушки и были не более трехдюймового калибра, их оказалось больше десятка, и они стояли близко. Снаряды кучно ложились в высокий борт «Урала» и рядом с ним. Часть из них изначально летела гораздо выше палубы и предназначалась аэростату. Прежде чем что-то успели предпринять, парусиновый тент на юте был прошит навывлет много раз. Но несколько снарядов разорвались, вспоров его обшивку, Прочная ткань обвисла по бокам лохмотьями, часть палубной obsługi воздухоплавательного парка выбило осколками, а оболочку шара пробило в нескольких местах. Оборудование для подъема и опускания «колбасы» не пострадало благодаря прикрытию из мешков с углем, сооруженному по приказу нового командира перед выходом в этот поход, но привязной трос перебило. Начавший быстро снижаться аэростат сносило ветром за корму «Наварина» и «Николая», а ни один из русских кораблей не мог развернуться в узком канале, чтобы оказать помощь его экипажу.

Подходившие с запада крейсера Добротворского видели потерю аэростата, но были еще в шести милях. Хотя вышедший к этому времени в голову колонны «Богатырь» и дал сразу самый полный ход, приняв влево со своего курса, когда он подошел к месту приводнения «колбасы», на поверхности плавала лишь почти полностью стравившая газ оболочка и разбитая корзина рядом с ней. Несмотря на несколько галсов в этом районе, лейтенанта Большова и его напарника мичмана Галицкого найти не удалось.

Быстро выловив оболочку, кое-как размещенную на палубе юта, «Богатырь» вернулся к своему отряду, встав в хвост крейсерской колонны, уже втягивавшейся в фарватер и молотившей по японским батареям с обоих бортов.

Поскольку в сторону Айношимы смотрело немало стволов с русских кораблей, ответный огонь был открыт почти сразу, хотя и не очень прицельный. Еще в течение трех минут засадная батарея острова продолжала стрелять более-менее точно, но потом ее просто задавили. Однако к этому времени показали себя все остальные японские форты и батареи западного сектора обороны крепости Бакан. Хоть этого и ждали, но стрельба с минимальных дистанций, начатая одновременно всеми фортами, все же вызвала заметное замешательство. Еще больше ситуация осложнялась невозможностью любого маневра как ходом, так и ружьем.

С Умасимы и Мутсуресимы, всего с двенадцати – пятнадцати кабельтовых, почти прямо в борт по броненосцам Йессена открыли частый и очень точный огонь две четырехорудийные среднекалиберные батареи современных скорострельных орудий. К ним присоединился и невзрачный пароход, стоявший под берегом, но его две небольшие пушки заметной роли не играли.

А ушедший вперед «Жемчуг» угодил под снаряды сразу более десятка тяжелых пушек, размещавшихся в двух батареях на возвышенностях западной оконечности Хикошимы. Вскоре выяснилось, что одна из этих батарей гаубичная, а потому не столь опасная. Зато вторая, пушечная, хотя и была нескорострельной, зато имела солидный калибр и явно опытные расчеты. Дистанция до нее в момент открытия огня была менее полутора миль, и снаряды первого залпа легли в опасной близости, осыпав палубу и надстройки осколками.

Японские укрепления совершенно не просматривались с воды и с воздуха со стороны фарватера благодаря искусной маскировке. С такого расстояния не было возможности разглядеть, чем это достигалось, но даже после начала стрельбы точные места расположения орудий

установили не сразу. Пороховой дым быстро сносило, а никаких ориентиров на зеленых склонах не было.

Миновав к началу канонады позиции японских скорострелок, головной крейсер русской штурмовой колонны уже вышел четырнадцатизловым ходом на широкую часть фарватера западнее фортов, где сходились восточный и западный каналы, ведущие в Японское море. Это давало возможность активного маневра, чем он и воспользовался, еще добавив хода и двинувшись в глубину пролива к слиянию основного фарватера с отходящим к Вакамацу рукавом. По Хикошима били левым бортом, одновременно продолжая бой с дозорными судами орудиями, способными простреливать носовые секторы правее генерального курса.

Почти сразу с острова начали стрелять еще семь пушек среднего калибра, но это были, по-видимому, мортиры совсем старых образцов, стрелявшие дымным порохом. Их снаряды ложились с большим разбросом, давая одновременно перелеты и недолеты в каждом залпе. Учитывая равномерность расположения всплесков по достаточно большой площади, вероятно, это можно было считать накрытием.

Легкий крейсер резко маневрировал и пока избегал повреждений. Благодаря быстрому изменению своего положения относительно фортов удалось разминуться со следующим залпом тяжелых батарей. Японцы просто не успевали разворачивать за ним свои пушки и после второго залпа, снова не давшего попаданий и легшего уже за кормой, переключились на приближавшиеся малые броненосцы, не имевшие возможности уйти от их снарядов в узком канале.

В 06:15 «Жемчуг» находился в пятнадцати кабельтовых почти строго к югу от японских фортов на Хикошима, оказавшись у них в тылу, продолжая двигаться на юго-восток по фарватеру. Он бил по батареям из кормовых орудий, сосредоточив огонь остальных стволов на дозорных судах. По нему теперь вообще никто не стрелял. Подбитый пароход уже выбросило течением на мель под батареями, где он горел, прекратив ответный огонь после еще нескольких попаданий. А оставшееся в одиночестве второе брандвахтенное судно, петляя, уходило в глубь пролива, пытаясь достать истребители, которые к тому времени уже обогнали его и густо осыпали своими мелкими снарядами с носовых углов.

Проскочив, на полном ходу, под берегом, они уже обогнули Хикошиму с юга и почти скрылись за крутым поворотом пролива. Сразу за островом русло резко поворачивало сначала на восток, после на север, а потом на северо-восток. Видимо, японский обстрел на наших эсминцах никак не отразился, по крайней мере видимых повреждений не было. Все шесть кораблей Матусевича уверенно держали место в строю и сохраняли высокую скорость, маневрируя и часто стреляя.

Йессену пришлось намного хуже, чем «Жемчугу» с миноносцами. Небольшая дистанция и скованность в маневре позволяли противнику вести беглый огонь с максимальной частотой и невероятной в обычных условиях точностью. Это было буквально избиение, к счастью, не долгое. Накрытия начались с первых же залпов японских скорострелок, а вскоре последовали и попадания. Под градом снарядов малые броненосцы тем не менее держали строй и отвечали.

Первым пострадал флагманский «Ушаков». Уже в третьем залпе он получил снаряд в борт у носового барбета, а в следующем еще два в кормовую часть надстройки. Эти попадания вызвали потери в расчетах среднекалиберной батареи левого борта и пожар в кранцах кормовых трехдюймовок. Взрывающиеся в огне шрапнели разбрасывали горящий порох во все стороны, увеличивая площадь пожара, и не позволяли бороться с огнем.

Пламя быстро набирало силу, что вынудило прислугу кормовой башни покинуть свои посты из-за дыма и жара. Комендоры стодвадцаток тоже не могли стрелять. Лишь благодаря самоотверженным действиям пожарного дивизиона под руководством поручика Н. Е. Трубина огонь не перекинулся на батарею левого борта, вскоре возобновившую огонь. Сам Тру-

бицин погиб, сраженный осколком одного из детонирующих в огне снарядов. Из двенадцати человек его пожарного расчета уцелело только трое.

Затем пришел черед «Сенявина». После безвредного рикошета от горизонтальной брони кормовой башни на нем целой серией попаданий были выбиты две скорострелки стреляющего борта и повреждена вторая труба, после чего японцы занялись еще и «Апраксиным». Но при этом продолжали гвоздить по первым двум броненосцам из части скорострелок, поддержанных залпами устаревших орудий с Хикошимы, сразу давшими накрытия по «Ушакову».

В 06:17 «Апраксин» уже лишился ходовой рубки, разрушенной до основания двумя снарядами. В носу японский снаряд пробил борт под самой палубой и разорвался, ударившись в переднюю часть носового барбета. Взрывной волной и осколками разрушило верхнюю палубу, загорелись рундуки команды. Однако башня, ее механизмы и расчет не пострадали. Еще один снаряд почти безвредно разорвался на броне носовой башни левее амбразур, обдав массой осколков мостик и носовые стодвадцатки и трехдюймовки. А обстрел, судя по всему, только набирал обороты.

Открывшие ответный огонь из всех скорострельных стволов и начавшие разворачивать влево свои башни сразу после обнаружения японских позиций, малые броненосцы испытывали серьезные трудности не только от обстрела, но и из-за довольно сильного течения, раскачивавшего небольшие корабли, заставляя их «вилять» на курсе. На такую «болтанку», естественно, никто не рассчитывал.

Не имея возможности вести прицельный огонь даже по ближайшим японским позициям, отряд Йессена не справился со своей задачей. Его броненосцы не только не смогли прикрыть головной крейсер, но даже не сумели должным образом постоять за себя. Несмотря на частый ответный огонь, они не справились даже с передовыми японскими укреплениями, так и не подавив ближайшие батареи Умасимы и Мутсуресимы, лишь незначительно ослабив их огонь.

Гораздо точнее были шедшие следом «Дмитрий Донской», «Орел» и «Бородино», быстро накрывшие позиции японских скорострелок с двадцати – двадцати пяти кабельтовых. Большие броненосцы не видели Хикошиму из-за впереди идущих кораблей и потому целиком сосредоточились на открывшихся батареях слева по курсу. Быстро пристрелявшись в полигонных условиях, они принялись методично перемалывать их в щебень. По ним никто не стрелял, течением тяжелые корабли не мотало, так что расчеты работали как на учениях. Это спасло ситуацию и позволило «Ушакову», «Сенявину» и «Апраксину» переключиться на Хикошиму в 06:18.

Не добившись результата с «Жемчугом», в 06:15 эти тяжелые батареи взялись за броненосцы береговой обороны, накрыв «Ушакова» без пристрелки. До них было меньше двадцати кабельтовых. Обстрел этого форта «Жемчугом» никак не сказывался на его боеспособности. Японцы давали залп за залпом через каждые три-четыре минуты, а густые шапки порохового дыма при каждом выстреле с позиций среднекалиберных мортир выбрасывало намного чаще.

Шедший головным в отряде Йессена флагманский «Адмирал Ушаков» все еще сильно горел, но вместе со всеми начал пристрелку по фортам из стодвадцатимиллиметровых орудий левого борта. Примерное место крупнокалиберных батарей удалось засечь еще после их первого залпа, когда они накрыли верткого «Жемчуга», так что к моменту переноса японцами огня на вторую волну атакующих русских кораблей целеуказания были готовы и поданы во все плутонги.

Накрыть цель удалось третьим залпом, после чего перешли на беглый огонь из всех калибров, введя в дело и шрапнель. Добравшись наконец до широкой части канала, примыкавшей к западному берегу Хикошимы, три броненосца Йессена приняли вправо, приведя форты себе почти на левый траверз. После чего начали перестроение из строя пеленга в короткую колонну и били с максимальной частотой. Дистанция не превышала полутора миль и теперь не менялась, что позволяло держать постоянным прицел на орудиях и установку трубки на

шрапнелях. В сторону берега хлынул буквально поток стали и огня калибром 75 и 120 миллиметров, подкрепляемый тяжелыми фугасами.

Этот обстрел был, без сомнения, очень результативным. Течение здесь было не столь чувствительно, и удавалось держать корабли на боевом курсе без рывков. Начавший слабеть огонь, как с оставшихся уже позади скорострельных батарей, так и с форта на Хикошима, позволял вести броненосцы без резких маневров, руководствуясь исключительно глубинами под килем, удобством собственной стрельбы, буями и береговыми навигационными знаками.

К 06:25 Хикошима оказалась уже под перекрестным огнем, так как «Донской», «Орел» и «Бородино» наконец смогли разглядеть форты впереди и начали пристрелку носовыми залпами. Одновременно они продолжали добивать скорострельные батареи из остальных стволов. В этом им теперь помогали вспомогательные крейсера и старые броненосцы. Оба островка слева от фарватера совершенно скрылись из вида в тучах пыли и дыма. Но оттуда все еще сверкали вспышки редких ответных выстрелов, хотя и совершенно не прицельных.

В 06:26 в «Апраксин», шедший третьим, угодил тяжелый снаряд, разорвавшийся в жилой палубе позади второй трубы. Сразу же после вспышки разрыва, сопровождавшейся столбом бурого дыма, броненосец окутался паром. Осколками перебило паропровод от вспомогательного котла и повредило сам котел, который, как выяснилось, был под парами вопреки боевой инструкции.

Старшему механику «Апраксина» Милевскому с разрешения командира корабля капитана первого ранга Лишина пришлось пойти на это, так как на переходе главные паропроводы начали травить пар через фланцы и паропроизводительности основных котлов стало не хватать для работы изрядно изношенных машин на почти предельном ходу. К тому же много пара было необходимо для работы паро-динамо, которые на «Апраксине», по причине электроприводов башен главного калибра, были мощнее и загружены гораздо сильнее, чем на обоих других броненосцах этой серии. Исправить паропроводы до боя не было возможности.

Тут же всю корму корабля заволокло белыми клубами пара, а в третьем отделении жилой палубы стало невозможно находиться вовсе. Давление в магистрали упало. Встали три из пяти паро-динамо. Скорострелки и кормовая башня прекратили огонь, а носовая была вынуждена перейти на ручное управление. Спустя несколько секунд еще один тяжелый снаряд разорвался на палубе юта, но без тяжелых последствий. Были разрушены три офицерские каюты и каюткомпания, но пожара не было. Броню башни только оцарапало осколками, разорвав брезентовые чехлы на мамеринце.

Резко положив право руля, Йессен вывел свой отряд из-под накрытий, увеличивая дистанцию. Подбитый «Апраксин» продолжал парить и начал отставать, выйдя из боевой линии и уйдя еще дальше вправо. Горячий пар втянуло вентиляцией во вторую кочегарку и машинные отделения, из-за чего их пришлось на время покинуть. Также пришлось оставить кормовое подбашенное отделение, где находились кормовые динамо-машины и общий распределительный электрический щит. Это не позволило быстро переключить всю сеть на носовые электромашины, еще работавшие в полную силу, поскольку поврежденный паропровод быстро перекрыли. Хотя давление перестало падать, обороты на винтах снизились.

Благодаря четким действиям аварийной партии, возглавляемой инженер-механиком штабс-капитаном Милевским, спустя пятнадцать минут с повреждением удалось справиться. Электричество в кормовых помещениях подключили, кочегарку и машинные отделения провентилировали, и люди вернулись на свои посты. «Апраксин» начал вновь набирать ход, что позволило отставшему от своего отряда кораблю занять место позади «Бородино» и принять активное участие в завершении боя.

Второго боевого галса у Хикошимы не потребовалось. Когда к половине седьмого Йессен достиг траверза южной оконечности острова, форт уже совершенно утратил боеспособность. Хотя часть его пушек еще стреляла, но никакой угрозы этот обстрел теперь не представлял. Снаряды ложились далеко в стороне, в то время как наши залпы точно впечатывались в его позиции. Облачка шрапнельных разрывов над батареями слились в сплошную серую тучу, размазываемую ветром на северо-запад и постоянно мигающую новыми вспышками, уже почти незаметными в общей массе.

Также были подавлены и пушки на других островах у входа на фарватер. Наконец догнавшие эскадру крейсера активно в этом участвовали. Их скорострелки вместе с башенными установками «бородинцев» и казематными пушками старых броненосцев и броненосцев береговой обороны покрыли сплошным ковром разрывов японские позиции, не позволяя расчетам опомниться. Ежесекундно в расположении фортов и рядом с ними взрывалось по три-четыре стодвадцатимиллиметровых или шестидюймовых снаряда. К этому прилагалось еще более десятка тяжелых фугасов за каждую минуту, а сосчитать количество шрапнелей было вообще безнадежным делом.

С пожаром на «Ушакове» почти справились, но полностью сбить огонь все еще не удавалось. Хотя казалось, что в стальных надстройках и палубах было просто нечему так гореть. Из кормовых трехдюймовок три полностью вышли из строя из-за жары, четвертую, на шлюпочной палубе по правому борту, еще можно было исправить. Броневые щиты защитили среднекалиберную батарею, вполне оправдав свое назначение. Все стодвадцатки продолжали действовать.

Следуя фарватером за ушедшим вперед «Жемчугом», оставляя за кормой дымящиеся развалины форта, а справа по борту впечатляющие пожары в Вакамацу, Йессен все ближе подходил к южному берегу пролива, ожидая кинжального залпа очередной артиллерийской засады. Головной крейсер и обогнавшие его эсминцы уже давно скрылись за поворотом фарватера, но это, как показало начало штурма, не давало никаких гарантий.

Все орудия, способные простреливать носовые секторы, обшаривали своими стволами заросшие лесом ряды крутых островерхих холмов, уходивших в глубь суши от берега вокруг старинного портового города Кокура, с возвышавшимися над ним развалинами древнего замка. Но больше никто не стрелял. На рейде порта были только небольшие парусные суда, на которые не обращали внимания. Ползший по проложенной вдоль берега железной дороге поезд также не обстреливали, ожидая появления более опасных целей.

В этот момент откуда-то из глубины пролива, перекрывая не прекращавшуюся канонаду, докатился грохот мощного взрыва. Почти сразу в ложбине между гор Хикошимы слева по борту показалось и начало быстро расти вверх огромное грибообразное облако дыма, поднимавшееся откуда-то из-за острова. По расчетам, там сейчас должны были осматривать гавани Симоносеки и Модзи наши авангардные легкие силы. Этот взрыв явно имел к ним отношение, но подорвали кого-то из наших, или это они так отметились, никто сейчас сказать не мог.

Все так же в максимальном напряжении начали поворачивать по фарватеру влево. Скоро впереди должен был открыться рейд порта Симоносеки на западном берегу. А почти напротив него и чуть выше по проливу и уже на восточном берегу – Модзи. По объемам проходивших через него грузов он был одним из крупнейших японских портов. Оттуда, судя по все еще невольно приковывавшему к себе взгляды, уже начавшему терять свою форму дымному грибу, вполне стоило ждать новых неприятностей.

Кормовые плутонги продолжали палить по Хикошимае, и под их грохот с палуб и мостиков внимательно осматривали все вокруг. На гористом побережье Кюсю вдоль железнодорожного полотна были разбросаны небольшие рыбацкие селения, у каждого из которых стояла своя флотилия мелких парусных посудин. Обогнавший броненосцы поезд уже почти скрылся из вида. Только дым его паровоза, поднимавшийся от подножия сбегавших к самой воде зеленых холмов, еще угадывался где-то впереди.

Время шло, а новых целей все не было. В 06:35 с «Ушакова» и «Сенявина» в узком просвете между петляющими берегами уже показался ушедший почти на три мили вперед, «Жемчуг», находившийся как раз сейчас под обстрелом у самого мыса Мекари. Откуда по нему били, с броненосцев не могли разобрать из-за дыма из его труб, сносимого ветром почти вдоль пролива. Миноносцев Матусевича и вовсе видно не было.

Через несколько минут, когда окончательно обогнули возвышавшиеся один за другим на самой юго-восточной оконечности Хикошимы крутые холмы, слева по курсу показались мачты и трубы нескольких судов, торчавших из-за плоского островка у входа в гавань Симоносеки. Вскоре открылась и вся акватория порта.

Там уже явно похозяйничал «Жемчуг» и скрывшиеся за очередным поворотом пролива эсминцы Матусевича. На рейде дрейфовал, фонтанируя паром из трубы, буксир, а один из пароходов затонул прямо на месте стоянки. Другой, сильно разрушенный, тоже быстро погружался в воду, приткнувшись носом к отмели и заваливаясь набок уже на самой границе гавани. От всех остальных спешно отваливали шлюпки с покидавшими их командами. Огромное количество мелких судов стремилось протиснуться в узкий пролив Косето, между Хикошимой и Хонсю.

У противоположного берега, где продолжал подниматься в небо колоссальный жирный столб дыма, уже начавший терять четкость своих контуров, растягиваемый ветром, скрывалась гавань Модзи, еще не видимая за поворотом береговой черты. В той стороне угадывалось еще несколько дымов явно из пароходных труб.

Соппротивление в Симоносеки все еще не было подавлено окончательно. Среди начавшихся пожаров на палубах и в надстройках нескольких судов дружно сверкнули вспышки выстрелов, и впереди броненосцев встали всплески от упавших недолетом небольших снарядов. Поскольку никаких береговых укреплений никто так до сих пор и не увидел, батареи среднего калибра левого борта «Ушакова» и «Сенявина», все еще дымивших остатками добываемых пожаров, сразу открыли огонь по быстро приближавшемуся пароходному ряду. Терпеть обстрел с каких-то купцов Йессен явно не собирался. Но наблюдение по горизонту не ослабляли ни на секунду.

Скоро справа открылась и гавань Модзи, еще совсем недавно плотно заставленная пароходами и парусниками всех размеров. Теперь же она представляла собой настоящее побоище. Сразу бросалось в глаза бурое, уже совершенно бесформенное, облако дыма, висевшее над водой на границе акватории порта и пролива, под которым в толчее волн скакали многочисленные обломки. Правее него находились два больших парохода, один из которых уже лег носом на грунт и валился на левый борт, задирая корму, другой быстро оседал в воду правым боком. На обоих не было ни труб, ни мачт, а надстройки казались свернутыми набок.

Чуть дальше начинал чадно гореть крупный парусный корабль, все мачты которого были повалены на стоявшие между ним и причальной стенкой пароходы. Сами эти пароходы были плотно прижаты друг к другу, густо опутаны остатками такелажа парусника, обрывками его и своего рангоута и обломками легких надстроек, из-за чего тоже имели довольно побитый вид.

Тут и там в гавани виднелись днища еще нескольких небольших судов, перевернутых вверх килем страшной силой, вырвавшейся на волю совсем еще недавно. Большая часть крыш на портовых постройках и ближайших к проливу домах отсутствовала. На уцелевших мачтах удержавшихся на плаву судов развевались обрывки грузового рангоута. К причалам и даже просто к берегу тянулись шлюпки. При появлении броненосцев люди, еще не успевшие спуститься с палуб в стоявшие под бортами лодки, начали просто прыгать в воду.

С «Жемчуга», все еще маневрировавшего среди всплесков выше по проливу, мигал ратьер. Но его сигналы почти все время закрывало дымом. Сигнальщикам едва удавалось разобрать передаваемые им сообщения. В них говорилось о батареях на выходе из пролива, под

огнем которых сейчас и находился крейсер. Причина погрома на рейде Модзи не объяснялась. Крейсеру сейчас явно было не до того.

* * *

В 06:27 Матусевич уже видел с мостика своего головного эсминца симоносекский рейд. Его шустрые кораблики резво неслись вперед, постоянно работая рулем, так как водные потоки, огибавшие Хикошиму, мотали их как щепки. Гнавшийся за ним брендвахтенный пароход изрядно отстал и парил под огнем «Жемчуга», не видимого теперь за изгибом «кишки» пролива. Судя по всему, «японец» был тяжело поврежден и с трудом управлялся. С эсминцев видели, как он не справился с течением и приткнулся к южному берегу сразу за причалами порта Кокура.

Но он по-прежнему стрелял вдогонку эсминцам, хотя и не точно. Должно быть, его тоже раскачивало достаточно сильным в этом месте течением. Несмотря на множество накрытий, добиться попаданий японским артиллеристам так и не удалось, а вскоре их и вовсе заставили замолчать снаряды нашего крейсера, быстро настигшего свою бездвиженную цель.

Когда обогнули южную оконечность Хикошимы, в нескольких милях впереди слева по курсу даже без бинокля стало возможно разглядеть множество пароходов, стоявших у причалов и на якоре в акватории порта, за островком Ганрюдзима. Поначалу они сливались в сплошную стену серых и черных корпусов, труб, надстроек и густой лес мачт. Флагов видно не было, но по хризантемам на трубах и обвесах мостиков и нарисованным у форштевней глазам дракона было ясно, что если не все, то по крайней мере подавляющее большинство судов японские. Некоторые были под парами, вяло дымя из труб.

Когда подошли к Ганрюдзиму, чуть выше по проливу на его противоположном берегу открылся еще более плотно заставленный пароходами рейд Модзи. К этому времени слева уже была видна вся акватория порта Симоносеки. Оттуда с двух небольших пароходов, стоявших рядом с плавучим доком почти в самом проливе между Хикошимой и Ганрюдзимой, часто замигал сигнальный фонарь, запрашивая позывные. Вероятно, это был вооруженный дозор или что-то в этом роде, охранявшее непосредственно порт, и расположенные за высокой коробкой плавучего дока портовые мастерские. Поднятых на эсминцах Андреевских флагов оттуда, по видимому, еще не разглядели.

Матусевич приказал ответить, что нуждается в помощи, и продолжил движение, увеличивая скорость и приготовив минные аппараты к выстрелу, начав разворачивать их влево. По мере приближения наши флаги все же узнали. К тому же повернутые минные аппараты не оставили у японцев сомнений, кто перед ними. Но появления русских кораблей, да еще так быстро после начала стрельбы с той стороны Хикошимы, здесь явно не ожидали. Возможно, поэтому огонь открыли с некоторым опозданием. Первые выстрелы прозвучали, только когда эсминцы уже вышли на траверз брендвахты, оказавшись в удобной для стрельбы минами позиции.

Сначала отстреливались только эти два судна из своих девятидесяти миллиметровых пушек, стоявших на баке. Но потом почти с каждого транспорта захлопали такие же или малокалиберные скорострельные пушки. Стрельба быстро усиливалась, но была не точной. Десятки всплесков окружили истребители, державшиеся середины пролива. Но при всей своей внешней эффективности эта мешанина вздыбленной снарядами воды только мешала наводчикам. Попаданий было всего три, и те мелкими снарядами без ущерба для боеспособности.

Разорвать дистанцию и прижаться к противоположному берегу Матусевич не решился, так как предполагал там наличие пушек, охранявших подходы к Модзи. К тому же от дальнего берега было бы затруднительно контролировать акваторию порта Симоносеки, а эта задача была первоочередной в боевом приказе. Миноносники открыли ответный огонь из орудий и пулеметов, а в каждый из дозорных пароходов выпустили по одной мине.

Дистанция была небольшой, а условия для стрельбы оптимальными. Но то ли из-за спешки, то ли из-за сильного течения в проливе они обе прошли мимо, никого не задев. Также благополучно они миновали громаду дока, после чего пропали из вида где-то за его высокими стенами. Ущерб от нашего артиллерийского огня, хотя и точного, также был незначительным и не повлиял заметным образом на боеспособность охраны порта.

Не сбавляя скорости, эсминцы прошли мимо Ганрюдзимы, а потом и забитого судами рейда, обстреляв показавшийся из-за дока буксир и выпустив еще три торпеды в два парохода, имевших возможность дать ход, судя по дыму из труб. Опасаясь задерживаться в столь враждебно встретившем его Симоносеки, Матусевич хотел таким образом обезопасить фарватер от возможных попыток его перекрытия путем затопления чего-либо достаточно крупного.

Однако при наводке аппаратов под огнем, видимо, был взят неверный прицел или все же снова не учли снос от течения. Из трех торпед в назначенные им цели попала лишь одна, и та, угодив под самую корму, не взорвалась, просто ударившись о перо руля и затонув позади своей жертвы. Две другие поразили транспорт, стоявший на якоре рядом, чуть выше по проливу. От их взрывов пароход начал быстро тонуть.

В него точно никто не целился, но вынужденно начатая эвакуация команды мгновенно перекинулась на соседние суда. Скоро уже все остальные транспорты начали спуск шлюпок. Сопrotивление в Симоносеки оказалось явно сломленным. Стрельба хотя еще и не стихла, но стала совершенно неуправляемой.

За кормой снова показался «Жемчуг», которому можно было передать охрану фарватера в порту Симоносеки от его хозяев. На него ратьером передали сведения о месте стоянки брандвахты, предупредив также, что почти все пароходы вооружены. Эсминцам нужно было спешить, чтобы не дать японцам шанса перегородить канал дальше в самом узком месте, обозначенном на трофейных картах как Хаятомо-но-Сэто у мыса Мекари. Совсем рядом, чуть ниже по проливу на восточном берегу, был порт Модзи.

Стоявшие там суда с мостиков и палуб эсминцев было видно очень хорошо. В отличие от Симоносеки, оттуда не стреляли. Это вызывало некоторую тревогу, поскольку казалось противоестественным. На всякий случай, артиллерией носовых плутонгов и правого борта прочесали высокие борта и надстройки быстро оказавшейся в зоне досягаемости справа по курсу пароходной шеренги.

Никакого шевеления в порту, даже после начала обстрела, видно не было. Хотя кто-то в дальнем ряду довольно сильно дымил, явно находясь под парами. Только когда входные створы Модзи уже уходили за корму, в одном из промежутков длинного ряда транспортов и десятков мелких судов, стоявших в довольно небольшой гавани почти борт к борту, показался нос парохода средних размеров, уверенно двигавшегося на пересечку курса миноносцев. Но он опоздал. Догнать Матусевича никаких шансов не было. С его высокого бака вдогонку ухнула стодвадцатка.

Снаряд упал с перелетом. В ответ часто захлопали кормовые трехдюймовки и дробно затрещали «максимки», осыпая противника своей мелочевкой без особого эффекта. По крайней мере, заставить замолчать пушку не удалось, и менее чем через полминуты она бухнула снова. Снаряд лег уже ближе, но все еще с перелетом. Маневрировать в самой узкой части пролива даже миноносцам было сложно, и они вынужденно убегали за мыс под огнем, вытянув свой строй почти в струну.

Третий и четвертый снаряды легли уже в промежутках между миноносцами непосредственно в их колонне, когда головные начали ворочать вправо, за спасительный мыс Мекари, где японец не сможет их достать. Но прежде чем вышли из-под огня, часто бывшая пушка выпустила еще семь снарядов.

Дистанция была небольшой, и первые промахи японцев объяснялись, вероятно, исключительно нервозностью расчета. Потом они вполне реабилитировались. «Грозный» получил

попадание в носовой кубрик, где загорелись вещи команды, а осколками пробило обшивку, в том числе и ниже ватерлинии. Еще один снаряд разорвался под самым бортом напротив второй кочегарки, что вызвало течь в угольной яме, но поскольку угля в ней было уже не много, ее удалось быстро заделать. На «Бодром» осколками от близкого разрыва пробило сходной тамбур в офицерские жилые помещения и заклинило носовой минный аппарат. Трех матросов ранило, одного убило. Серьезнее всех пострадал «Блестящий». Угодивший в его правый борт двадцатимиллиметровый снаряд пробил обшивку между 34-м и 35-м шпангоутами под самой палубой, прошел наискосок узкую угольную яму правого борта первой кочегарки и разорвался, ударившись в ее носовую переборку. От взрыва пострадало оборудование котельного отделения, что вынудило почти сразу вывести из действия котел, аварийно сбросив давление в нем. Истекая паром и сбавляя ход, эсминец с большим трудом смог уйти из-под огня.

Наконец оба отряда оказались вне зоны досягаемости из порта Модзи. И почти сразу оттуда, откуда только что выскочили миноносцы, гроыхнуло так, что казалось даже быстро расширяющийся пролив вокруг и уходившее за горизонт море впереди вздрогнули. Следом по кронам деревьев и кустов на берегах прошла рябь сильного порыва ветра, а из-за холмов справа выбросило султан темно-бурого дыма, быстро поднимавшегося клубами вверх и сворачивавшегося в огромный гриб. Но долго разглядывать его не пришлось. Сразу за мысом Мекари Матусевича ждал сюрприз, довольно приятный.

* * *

С «Жемчуга», следовавшего по уже протоптанной миноносцами дорожке, отчетливо видели всплески сдвоенного торпедного взрыва среди пароходов в Симоносеки. Наблюдая «теплый» прием, какой оказали японцы нашим миноносникам, и разобрав мигание сигнального фонаря, крейсер сразу прекратил почти бесполезный обстрел уже невидимых фортов и перенес огонь на портовую брандвахту. Быстро приближаясь к стоянке пароходов, он скоро был всего в двенадцати кабельтовых к югу от все еще боеспособной охраны порта.

Стреляя из баковой двадцатки и всех пушек левого борта, он быстро добился нескольких попаданий в ближайший из двух пароходов. Тот замолчал и начал травить пар, но пока не тонул. Одновременно правым бортом и кормовой пушкой главного калибра добивали оставшийся позади вооруженный пароход, уже горевший на мели, а трехдюймовками обстреливали транспорты на рейде, чтобы заставить молчать их пушки и максимально ускорить эвакуацию экипажей.

Спустя три минуты был виден весь симоносекский рейд. С берега никакого противодействия до сих пор вообще не оказывалось, и это казалось многим совершенно невероятным. За линией пароходов дымили трубы портовых мастерских, на причалах бегали люди. В узкий и мелководный пролив севернее Хикошимы втягивалась вереница небольших парусных судов, бежавших из гавани. Выше по проливу в акватории порта беспомощно дрейфовал небольшой буксирный пароход, но отмеченные на картах старые форты молчали. Отбиваться пытались по-прежнему только стоявшие на рейде пароходы.

На убегающую мелочь с крейсера не обращали внимания. Целей у комендоров и так было в избытке, гораздо больше, чем пушек. Лишь несколько шальных перелетов легли в их плотном строю. Плавающий док тоже не избежал шальных снарядов. Минимум два фугаса среднего калибра разорвались в его недрах, дав неяркие вспышки на высоченном борту.

Покончив с первым брандвахтенным пароходом, перенесли огонь на второе сторожевое судно, которое теперь было всего в трех кабельтовых чуть впереди левого траверза. Стреляли полными бортовыми залпами с максимальной частотой. Но так продолжалось не долго. Начавшие приходить в себя артиллеристы с пароходов все больше досаждали одинокому крейсеру, к которому пока никто не мог прийти на помощь.

К этому времени набиралось уже больше десятка попаданий мелких японских снарядов. На палубе появились раненые, и даже убитые. К тому же от интенсивной стрельбы вышло из строя шканечное орудие левого борта, а у стоявшей дальше к корме другой такой же пушки оборвало ствол от собственного выстрела. Отказала и одна из трехдюймовок.

Техника была исправной, просто уже более получаса «Жемчуг» часто и непрерывно стрелял из всех орудий влево. Для охлаждения их стволы поливали водой и обкладывали мокрыми тряпками, сильно парившими и шипевшими при этом. Но в каналах нарезки накопилась стружка, снятая с ведущих поясков десятков снарядов, прошедших через стволы. Это, в сочетании с перегревом, и было причиной происшествий. По всем инструкциям следовало прекратить огонь и пробанить пушки, но такой возможности не было. Японские пароходы стреляли все увереннее и точнее.

Но гораздо хуже было другое. В 06:32 прямо по курсу показался небольшой пароход, выходящий из-за остова уже легшего на грунт и все сильнее разгоравшегося подорванного транспорта. По нему дали предупредительный залп носовые трехдюймовки, принуждая к остановке, но оба легших под форштевень снаряда он проигнорировал, продолжая движение к фарватеру по кратчайшему пути, быстро набирая ход и, возможно, собираясь затопиться на нем.

Прекрасно понимая возможную опасность этого его намерения, командир «Жемчуга» капитан второго ранга Левицкий приказал дать полный ход и бить по нему из всех стволов. Правда, достать его теперь могли только две стодвадцатки да три трехдюймовки. Но дистанция не превышала полумили, и промахов было не много. Пароход густо запарил, хотя продолжал ползти вперед, уже садясь в воду кормой. Попадания сыпались градом, так как крейсер быстро приближался. Надстройка была разбита, из-под палубы валил дым вперемешку с паром. Когда до парохода оставалось не более полукабельтова, Левицкий скомандовал: «Стоп, машина!»

В 06:34 «Жемчуг», уже сбросивший скорость, ударил тонущего японца левой скулой по касательной в правый борт перед мостиком позади полубака, столкнув его с траектории, проходящей поперек фарватера. Положив перед самым ударом руль до упора влево и работая машинами «враздрай», попытались отжать его еще левее. Но узкий корпус крейсера только скребнул почти всем бортом по полубаку разбитого судна, со страшным лязгом и грохотом выбивая снопы искр, и быстро ушел вперед.

От этого тарана крейсер пострадал гораздо больше своей жертвы. Оказались свернуты с фундаментов носовая и шканечная стодвадцатимиллиметровые пушки левого борта, что сократило бортовой залп влево всего до двух стволов, смяло фальшборт, вплоть до третьей трубы. Обшивка получила глубокие вмятины и несколько длинных разрывов в верхней части надводного борта. К счастью, левый винт не пострадал.

Хотя удар был скользкий, брандер все же развернуло. Совершенно неуправляемый пароход продолжал на остатках инерции катиться по пологой дуге влево от середины фарватера, быстро погружаясь, пока не коснулся дна носом севернее гавани Симоносеки. Лейтенант барон Врангель, командовавший носовым plutонгом, удовлетворенно отметил, глядя на него: «Через дыры от наших снарядов так быстро тонуть он не может. Не так уж и много их наберется. Значит, кингстоны открыты. Точно самотопом был!»

Большая часть надстройки на пароходе была деревянной, и теперь ее разбило снарядами в щепу. В бортах чернели пробоины, но, как ни странно, он не горел. Течение начало разворачивать судно поперек пролива, но, вероятно, днище уперлось в подводное препятствие. Это остановило разворот и сильно накренило пароход на левый борт. Дальше он не двигался, затонув на самой кромке глубоководной части канала. При этом корма полностью ушла под воду, рядом с буями, ограничивавшими фарватер, но все же не выходя на него.

Это с огромным облегчением наблюдали с «Жемчуга», бывшего уже в полумиле севернее гавани Симоносеки, фактически на рейде порта Модзи. Стоянку судов в акватории этого порта начали обстреливать всеми орудиями правого борта. Ответного огня, как ни странно, почти не

было. Только один пароход, уже имевший ход и двигавшийся к мысу Мекари, отстреливался из двух стодвадцаток. Тот самый пароход, что до этого очень точно гвоздил по уходящим за мыс нашим эсминцам. С «Жемчуга» видели шлейф пара, выброшенный одним из них после накрытия. Естественно, ему уделили большее внимание, чем всем остальным.

Результат оказался молниеносным и оглушительным. Едва получив свои первые попадания, «японец» исчез в яркой вспышке, разметав обломки по всей гавани, и сразу ее почти полностью закрыло огромным облаком дыма, закручивавшимся внутрь себя и продолжавшим сеять обломки, поднимаясь в небо на темной клубящейся ноге с прожилками остатков пара. В этот момент докатился жуткий грохот. Все, кто это видел и слышал, невольно присели и замерли на доли секунды. А потом пришла и взрывная волна заметно качнувшая крейсер влево, хотя ее удар и пришелся с носовых углов.

Что она натворила в самой гавани – было просто ужасно. Несколько небольших судов, оказавшихся поблизости, этим ударом перевернуло или мгновенно раздавило. Даже большие стальные пароходы не выдержали его. Попадали трубы, мачты и грузовые стрелы. Надстройки, словно бумажные, смялись и порвались. Обшивка бортов лопнула, как гнилая парусина. Два ближайших соседа водоизмещением не менее пяти-шести тысяч тонн явно тонули. Стоявший в северном углу порта трехмачтовый барк сорвало с якоря и бросило на соседние пароходы, которые накрыло его рухнувшими мачтами. Всех остальных тоже встряхнуло до потери сознания, пообрывав якоря и швартовые концы, а кто был у причалов, наверняка приложило о стенку с последствиями разной степени тяжести. Ни одной крыши на ближайших постройках не уцелело.

Потрясенные увиденным, комендоры прекратили огонь. Только почти сразу возобновившийся обстрел из уходившего за корму слева Симоносеки вернул всех к реальности. Однако стрелять в пароходы больше не решались. Продолжая движение, «Жемчуг» скоро оказался прямо напротив гавани и рядом с мысом Мекари. Из-за поросших лесом возвышенностей на мысу и правее него взлетели вверх сразу несколько сигнальных ракет. Сначала дважды пачками по четыре-пять, а потом одна за другой. Это были явно не наши сигналы.

О них пытались сообщить по радио на пропавшие где-то за кормой и все еще не показавшиеся из-за Хикошимы броненосцы, но связи не было. Левицкий понимал, что в такой ситуации покидать воды между этими двумя портами нельзя. Японцы явно не смиряются с возможностью прохождения нашего флота сквозь весь пролив и всячески будут мешать. А остановить их в случае ухода «Жемчуга» пока было некому. Нужно, так сказать, передать эстафету из рук в руки.

Не имея возможности развернуться в узком канале, крейсер работал машинами на заднем ходу против течения. Это позволяло удерживать минимальную дистанцию до симоносекского рейда, одновременно контролируя гавань Модзи, в ожидании отряд Йессена. Все уцелевшие пушки изрядно поцарапанного эскадренного разведчика, способные бить влево, снова стреляли в гущу транспортов с максимальной частотой, хотя из-за начавшегося рыскания, вызванного напором воды в узком канале, уже не прицельно.

Главной целью было принудить экипажи к продолжению прерванной эвакуации. На пароходах что-то уже горело, иногда взрывалось, но не очень сильно. Судя по тому, что даже некоторые иностранцы начали разворачиваться назад к своим пароходам, повторения того, что случилось в Модзи, здесь никто не опасался.

Справа ситуация была совершенно другой. Стрелять не требовалось. И так все спешили добраться до берега. Нехватка спасательных средств никого не останавливала. Бросались вплавь со всем, что попадало под руку. Пожар на изувеченном паруснике быстро усиливался. Один из пароходов между ним и причальной линией заметно проседал. Видимо, имел большую течь в трюме. Некоторые из «перевертышей» постепенно также уходили под воду. Толчея волн на месте взрыва начала успокаиваться. Там постоянно всплывали какие-то обломки.

Плотный огонь из мелких калибров со стороны Симоносеки слабел, но зато проявили себя сразу две новые береговые батареи. Они располагались впереди по курсу на северном берегу восточного устья, выше пляжа Дан-но-Ура, прямо по оси пролива. Точно определить их позиции после первого залпа не удалось, но расстояние не превышало полутора-двух миль. Как обычно, японцы сразу накрыли свою цель, хотя попаданий и не добились. Судя по всплескам, стреляли четыре тяжелых и столько же среднекалиберных орудий.

«Жемчуг» оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Он не мог двинуться вперед, пока Йессен не придет ему на смену и будет полностью контролировать рейды Симоносеки и Модзи вместе с каналом фарватера в пределах этих портов. И не мог сам вернуться в Симоносеки, увеличивая дистанцию до открывшихся фортов, так как маневрировать в узком проходе, идя задним ходом против течения, с его разнонаправленными потоками, весьма чувствительными в этой сужающейся части пролива, было очень сложно. Свернуть вправо и скрыться от обстрела за мысом Мекари, войдя в гавань Модзи, после того, что там произошло, просто не решались. Кто знает, сколько там у японцев еще пароходов с взрывчаткой?! Уж лучше перетерпеть пять минут. Все на крейсере надеялись, что дольше не придется.

Наконец в 06:45 наши малые броненосцы показали на юге из-за поворота пролива. На них сразу передали семафором, что в Симоносеки стоят вооруженные транспорты, а в Модзи, вполне возможно, имеются суда с взрывоопасным грузом. Один, предположительно вспомогательный крейсер-минзаг, уже взорвался.

Противоминные калибры обоих «адмиралов», оставшихся в передовой группе поддержки после прорыва японской обороны, немедленно присоединились к обстрелу. С «Жемчуга» видели, как японские и иностранные команды опять стали покидать свои теперь уже обреченные суда, но не все. Ответная стрельба не прекращалась. На броненосцы снова передали ратьером, что в портах есть транспорты под парами, чтобы там были готовы топить любого, кто снова полезет на фарватер, но разобрать, что сигналили в ответ, не смогли. Возможно, и Йессен не видел, что передавали с крейсера. Слишком много дыма было в проливе.

«Жемчуг» сильно раскачивало и мотало на курсе. Его с трудом удавалось удерживать в пределах фарватера. О точной стрельбе нечего было и думать, поэтому отвечать открывшимся впереди фортам даже не пытались, а с появлением отряда Йессена стрельбу вообще задробили, приступив к обслуживанию перегревшихся пушек. Осыпавший снарядами, тонкошкурый быстроходный разведчик гордо молчал, дав «малый вперед» машинам и двинувшись вверх по проливу. С него снова начали мигать сигнальным фонарем, передавая на броненосцы береговой обороны координаты батарей и приметные ориентиры.

В течение последних нескольких минут вокруг вертящегося на пятаке, как уж на сковороде, русского крейсера упало около полусотни японских снарядов. Два из них достигли цели. Первый разорвался у многострадального шканечного орудия левого борта, разрушив палубу, повредив надстройки и вызвав небольшой пожар. К счастью, все неиспользованные снаряды оттуда уже успели растащить, и развороченные шкафчики кранцев первых выстрелов оказались пусты. Второй пробил правый борт под мостиком, прошел через жилую палубу и разорвался на настиле бронепалубы между дымоходами из первой и второй кочегарок правее диаметральной плоскости корабля. Дым от его разрыва втянуло в котельные отделения, но он не был таким удушливым, как при прежних попаданиях. Никто не отравился, и люди смогли остаться на своих постах, продолжая работать⁸. Осколками повредило вентиляционные шахты

⁸ В снарядах японских береговых батарей, в большинстве своем заготовленных еще до начала строительства большого флота, в качестве начинки применялся порох, а не шимоза. Даже в новых боеприпасах, изготовленных во время войны, содержимое осталось прежним из соображений экономии. Только после взятия Порт-Артура, когда обследованием потопленных там огнем 280-миллиметровых гаубиц русских кораблей было выявлено слабое разрушительное действие таких снарядов, начали производство тяжелых шимозных бомб (весом более 300 килограммов) для крупнокалиберных береговых орудий. К лету 1905 г. их еще было очень мало.

правого борта и один из вентиляторов, но главные механизмы не пострадали, и корабль сохранил ход.

Оба снаряда калибром не превышали ста двадцати – ста пятидесяти миллиметров. Место этой батареи точно установили уже спустя две минуты. Ее пушки располагались на юго-восточном склоне одной из небольших гор, возвышавшейся дальше по побережью от Симоносеки, между зеленым массивом горы Руджуйсен и западным устьем пролива. На трофейных картах она значилась как Дайкарокуома, и на ее вершине имелись ночные навигационные знаки. При чем по вспышкам залпов определили, что орудия стояли в двух двухорудийных двориках, один над другим по склону. Лес вокруг них был вырублен для освобождения секторов стрельбы.

Позиции тяжелой батареи, которая, судя по вставшим почти вертикально столбам порохового дыма ее второго залпа, была гаубичной, выявили тоже быстро. Очищенная от деревьев вершина возвышенности, лежащей чуть южнее Дайкарокуомы, откуда она стреляла, просматривалась достаточно хорошо, а сметенная собственными выстрелами маскировка представила ее мощные каменные брустверы взорам наблюдателей во всей красе. На карте этот косогор был подписан как Чауши. На нем находились позиции одного из старых фортов и тоже были ночные навигационные огни.

Второй залп гаубиц снова лег накрытием. На этот раз один из снарядов рванул под самым бортом, обдав осколками и окатив полубак каскадами воды. Крышку якорного клюза погнуло, пробив в двух местах, дали течь через заклепки швы обшивки впереди носовых погребов. От сильного сотрясения отказали приборы Гейслера у носового орудия и заклинило снарядный элеватор, но сама пушка не пострадала.

Как и у западного входа в пролив, на его выходе тоже не удалось заранее определить места расположения японских укреплений. Позиции орудий были очень хорошо замаскированы и совершенно не выделялись на фоне заросших лесом многочисленных холмов. Сейчас все с замиранием сердца ждали оживания других старых фортов, расположенных на склонах выше жилых кварталов Симоносеки. Те, что на карте отмечались номерами 2 и 3, были совсем рядом слева по борту, а четвертый и пятый уже за кормой, но тоже недалеко. Одного их общего залпа вполне могло хватить слабо бронированному крейсеру второго ранга. Но они молчали.

Насколько можно было разглядеть через оптику биноклей и других приборов, маскировка уже выявленных позиций достигалась укладкой свежих зеленых сучьев на капитальные сооружения. Бетонные или каменные брустверы орудийных двориков стали вполне видны только после первых залпов, когда это импровизированное укрытие смело порохомыми газами. Теперь десятки пар глаз обшаривали густую зелень слева в поисках чего-либо подобного.

Наконец, в 06:50 «Ушаков» и «Сенявин» уже вплотную подошли к акватории Симоносекского порта, и «Жемчуг» смог со спокойной совестью покинуть свою позицию, двинувшись к восточному выходу из пролива. По-прежнему под огнем обогнув мыс, крейсер обнаружил справа от себя в небольшой бухте под южным берегом пролива, называвшейся Таноура, еще одну большую стоянку судов. Там, в стороне от основного русла, по которому гоняли туда-сюда океанские воды переменные приливные течения, стояли на якорях десятки больших пароходов. Среди них торчали высокие мачты с оснасткой барков и шхун. Причем некоторые шхуны были очень большие, четырех- и даже пятимачтовые.

Получив возможность строго держать курс, немедленно открыли огонь по обеим выявленным японским батареям, закономерно уделяя больше внимания более скорострельной, а потому более опасной среднекалиберной пушечной. Хотя, учитывая, что теперь на левый борт стреляли только две стодвадцатки и столько же трехдюймовок, комендоры скорее показывали идущим следом кораблям точное место противника, нежели имели шанс нанести ему заметный урон.

В сторону стоянки тем временем развернули почти не стрелявшие до сих пор бортовые пушки и противоминный калибр правого борта, открыв огонь по палубам и надстройкам

многочисленных транспортов. Бить в корпус все еще опасались, не зная характер груза судов. Пароходов и крупных парусников в этой гавани было намного больше, чем в Симоносеки и даже в Модзи. Среди них уже сновали истребители.

Два судна, видимо торпедированные ими, сидели в воде много выше ватерлинии, заметно накренившись, возможно, затонув на мелководье. Три наших эсминца, рассыпавшись в цепь, держались на фарватере дальше к востоку. Все их орудия вели частый огонь по берегу и палубам судов, откуда им стреляли в ответ. Трех других нигде видно не было. Скорее всего, они углубились в заставленную судами бухту.

Свернув с судоходного канала в акваторию стоянки, четко обозначенную буями, крейсер снизил ход и шел теперь впритирку к стоящим буквально борт к борту друг с другом судами всех размеров – от портовых буксиров до приличных океанских пароходов. По нему били со всех сторон малокалиберные пушки транспортов и батареи, не утомившиеся даже когда «Жемчуг» оказался рядом с пароходами. Риск накрыть своих ничуть не охладил боевой дух самураев.

Но скоро форты пляжа Дан-но-Ура сменили свою цель. Теперь они посылали залп за залпом в пролив, переключившись, видимо, на броненосцы береговой обороны, еще не видимые с «Жемчуга». Зато со стороны Таноуры прилетало все больше, в том числе из стрелкового оружия и развернутых прямо на берегу полевых орудий. Еще несколько человек на палубе было ранено. По бортам и надстройкам часто стучали винтовочные и шрапнельные пули, но попаданий снарядами крупнее миноносных калибров не было.

Крейсер продолжал медленно продвигаться к выходу с фарватера, стреляя на оба борта. В 06:47 впереди справа по курсу открылись заросшие сосновым лесом возвышенности мыса Есаки. Фарватер теперь просматривался до восточного входа. Никаких крупных судов на нем не было. Явной угрозы со стороны Таноуры тоже.

Зато дальше, милях в пяти-шести, от обилия целей буквально рябило в глазах. Небольшие парусники, удалявшиеся в восточном и северо-восточном направлении, буквально закрывали горизонт. За ними на разном удалении поднимались к небу несколько столбов дыма, вероятно, от каких-то уходивших судов, тоже драпавших на восток полным ходом.

Слева по курсу были отчетливо видны холмы острова Манджу и шапка леса на расположенном между ним и уходившим от пролива на северо-восток берегу Хонсю, небольшом плоском каменистом островке. Там вполне могли находиться другие японские батареи, но пока они не проявляли активности, хотя дистанция до островов по дальномеру не превышала двадцати – двадцати пяти кабельтовых и продолжала сокращаться.

* * *

Достигнув Симоносеки, «Ушаков» и «Сенявин», не сбавляя хода, шли мимо, ведя огонь из скорострелок левого борта по всему, что видели в гавани. Брандвахта у Ганрюдзимы очень быстро оказалась разбита этим огнем. Один из сторожевиков взорвался, вероятно, имел мины или минные аппараты на корме. Пожары на пытавшихся отстреливаться пароходах усилились. Это подавило остатки воли к сопротивлению у большинства гражданских команд стоявших в порту судов, и стрельба резко ослабла, хотя окончательно и не прекратилась.

Видя бедственное положение, в котором оказался головной крейсер штурмовой колонны, Йессен спешил ему на выручку. Стремясь в то же время максимально обезопасить фарватер для прохождения остальных сил флота, он приказал развернуть на пароходы башни главного калибра. На фалах «Ушакова» подняли сигнал по международному своду: «Стравить пар и срочно покинуть судно», а с мостика замигал ратьер, передавая целеуказания для второго корабля в колонне.

Спустя две минуты, когда одно из дымивших трубой судов, пытавшееся сняться с якоря, было взято на прицел и стало ясно, что предупреждение не возымело желаемого действия, последовали двухорудийные залпы с обоих броненосцев. Десятидюймовые фугасы из кормовых башен кучно легли в цель, буквально разорвав неугомный транспорт, а носовые башни сразу начали наводиться на следующего.

После этого оставшиеся люди с палуб стоявших во внешнем ряду транспортов начали прыгать не только в шлюпки под бортом, но и прямо в воду. Началось массовое бегство остатков экипажей. Стрелять из порта перестали совсем. Русские также прекратили обстрел, давая возможность спастись тем, кто этого хотел. Судов, явно готовых дать ход в гавани Симоносеки, больше не было видно. Все, у кого шел дым из труб, теперь травили пар либо из пробитых котлов, либо добровольно открыв клапаны. Отсутствие явных угроз для судоходства позволило избежать ожидавшихся в этом месте задержек, и Йессен сразу двинулся дальше, готовясь к бою с новыми батареями.

Трехдюймовки и стодвадцатки, не способные простреливать носовые секторы, оставив в покое пароходы, начали засыпать шрапнелью и фугасами не видимые для них склады, причалы и мастерские в портах на обоих берегах Симоносеки, стараясь не дать развернуть там хоть какую-то береговую оборону и нанести максимальный ущерб портовой инфраструктуре. Кормовые башни тоже дали пару залпов.

Используя половинные заряды, они имели реальный шанс достать своими мощными фугасами привлекательные цели, скрытые за рядами разгрузавшихся или ждущих очереди на разгрузку судов. Первоначальным планом предполагалась обязательная бомбардировка портов, но при этом должна была быть корректировка с аэростата. Теперь же, когда аэростат оказался потерян в самом начале боя, били по целеуказаниям из артиллерийских рубок. Фактически по площадям, поскольку из-за недостаточного обзора не имели ни малейшего понятия о результатах своего огня. Осознав это, стрельбу задробили, опасаясь зацепить жилые кварталы.

Как стало известно уже после войны, серьезных разрушений в районе доков и складов не было, а несколько все же упавших в черте города Симоносеки снарядов вызвали лишь небольшой пожар среди домов и на мануфактуре. Зато стрельба по площадям шрапнелью, дававшей значительный разброс, сильно затрудняла все передвижения по улицам и портовым зонам, не позволив своевременно вывести на причальные стенки полевую артиллерию ожидавших погрузки армейских частей, стоявших лагерем поблизости и поднятых по тревоге.

Порт Модзи казался полностью разрушенным. Даже длительный обстрел из тяжелых орудий вряд ли дал бы такой впечатляющий результат. Все суда, что были в его гавани, либо уже лежали на дне, либо тонули с различной скоростью. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Среди остовов судов и на берегу все сильнее разгорались пожары, так что толком разглядеть что-либо было довольно трудно. Восточнее, там, куда ушел «Жемчуг», а еще раньше эсминцы, из-за крутых холмов также поднимались дымы, то ли из труб наших головных кораблей, то ли японских. А может, и от пожаров. В небо постоянно взлетали сигнальные ракеты.

Дальнейшая зачистка портов Симоносекского пролива и приведение фарватера в непригодное для использования состояние в задачи отряда поддержки авангардной группы не входили. Поэтому терять время здесь Йессен не собирался. Его цели теперь были дальше, тем более что за кормой отряда из-за Хикошимы уже показались корабли третьей группы.

Стрелять по раскрывшим себя обстрелом «Жемчуга» японским батареям у восточного устья пролива сразу оказалось невозможно, даже несмотря на переданные головным крейсером ориентиры. Горизонт в том направлении был закрыт дымом из его труб. А когда он ушел вправо за мыс Мекари и цели, к тому же дополнительно обозначенные его стодвадцатками и

шрапнелью, наконец открылись, уже мешало течение, опять начавшее раскачивать броненосцы береговой обороны.

Зато японцам никаких препятствий не было, чем они и воспользовались. Их залпы гремели прямо в лоб кораблям Йессена. Под этим точным огнем оба малых броненосца молча проходили самую узкую и бурную часть пролива, не имея возможности эффективно отвечать. А просто выбрасывать снаряды в сторону противника было непозволительной роскошью. Правда, на этот раз скорострелок у японцев не оказалось, так что повторения того, что было полчаса назад, не произошло. Тем не менее им удалось добиться четырех попаданий средним калибром.

«Ушаков», идя в голове колонны, принял на себя их все. Сначала ударило в якорную полку правого борта, перебив якорную цепь и скинув в воду сам якорь. При этом обрывок цепи сорвало со скоб, и он, свесившись за борт, волочился по воде. Затем разворотило левое крыло мостика, повредив трехдюймовку, стоявшую под ним и выбив весь расчет. Третий снаряд угодил в вертикальную броню носовой башни и ушел рикошетом в воду по правому борту без разрыва. А четвертый разворотил палубу перед правой носовой двадцатимиллиметровой установкой, повредив осколками трехдюймовку под мостиком и переранив семерых человек из ее расчета и из obsługi подачи снарядов в надстройке. Люди в среднекалиберной батарее, прикрытой щитами пушек и брустверами, не пострадали.

Гаубичные чемоданы снова ложились довольно близко, но с серьезным разбросом, иногда заливая палубы всплесками и осыпая осколками. Реального ущерба от них не было, но все же хорошо, что этих залпов было только два. Имей гаубицы меньшее рассеивание и большую скорострельность, пришлось бы совсем туго.

В 07:03, наконец преодолев последний поворот бесконечно длинного пролива, броненосцы береговой обороны, один за другим легли на северо-восточный курс. Сравнительно небольшая осадка и еще недавно миновавший свой пик прилив позволяли достаточно свободно маневрировать даже за пределами фарватера, где по картам были подходящие глубины, так что удалось уйти влево со струи течения, приблизившись еще больше к японским укреплениям и сбив неожиданным маневром пристрелку.

Открывшаяся за мысом Мекари большая стоянка крупных грузовых судов уже «опакалась» «Жемчугом» с эсминцами. Помощи они не запрашивали, так что Йессен целиком сосредоточился на подавлении береговой обороны. До японских фортов на Хонсю теперь было от пяти до девяти кабельтовых, и русские пушки, управляемые опытными комендорами, методично сравнивали их с землей.

К этому времени стволы всех скорострельных орудий левого борта, почти не замолкавших с начала боя, сплошь покрылись волдырями вздувавшейся от перегрева краски, хотя их постоянно поливали водой из ведер и пожарных рукавов. Пока, к счастью, отказов и поломок в артиллерийской части не было.

Гаубичную батарею с полумили густо накрыли шрапнелью, сосредоточив огонь уцелевших трехдюймовок с обоих броненосцев, а среднекалиберную начали обрабатывать фугасами. Минимальная дистанция была вполне комфортна для нас, позволяя хорошо видеть позиции противника и уверенно вести прицельный огонь, экономя далеко не безграничный боекомплект.

Уже первые русские залпы дали гарантированные накрытия, после чего броненосцы перешли на беглый огонь. Главный калибр снова стрелял ослабленными зарядами. Разрывы десятидюймовых стальных пироксилиновых бомб были весьма эффектными и эффективными. Хотя, к сожалению, не такими частыми, как хотелось. В башнях начались проблемы с гидравлической приводами, из-за чего орудия порой пропускали залпы. Несмотря на точный и плотный обстрел, моментально привести к молчанию японские пушки было невозможно.

А вскоре их поддержал и еще один форт, показавший свои зубы с мыса Есаки. Там снова были тяжелые гаубицы и нескорострельные среднекалиберные пушки. Причем последних оказалось более десятка. Все орудия размещались в трех батареях, расположенных настолько близко друг к другу, что почти сливались в одну, вытянутую вдоль побережья на пятьсот-шестьсот метров артиллерийскую позицию.

Они открыли огонь сразу, как только корабли Йессена накрыли форты на северном берегу пролива. Дистанция до мыса Есаки к тому времени была около двух миль, и броненосцы начали отвечать из скорострелок правобортных батарей почти без задержки, ведя бой теперь на оба борта. Вскоре к ним присоединился «Жемчуг», вышедший прямо на траверз мыса и оставивший пароходы на стоянке Таноура миноносникам.

Его скорострелки часто били с прямой наводки, отыгрываясь за все сразу, постоянно давая накрытия. А затем из глубины пролива подтянулись и большие броненосцы с «Донским» и вновь вернувшимся в боевую линию еще парящим из кормовых помещений «Апраксиным». Там, откуда они пришли, в небо вставали столбы густого черного дыма.

С приходом больших броненосцев, оказавшись под сосредоточенным перекрестным масированным огнем, японцы на обоих берегах пролива стали стрелять заметно хуже, в то время как наше давление, наоборот, быстро набирало силу.

Едва обогнув мыс Мекари, корабли третьей группы, которым не нашлось «работы» в проливе после подавления западного сектора японской обороны, сбавили ход до малого и перестроились поперек фарватера в правый пеленг. Проходя акватории Симоносеки и Модзи по уже пробитой дороге, им так и не довелось пострелять. Назначенные цели на берегу оказались недоступными, а все прочее уже разбитым, так что у пушкарей, буквально «чесались руки».

И вот теперь, справившись окончательно с пожарами и другими повреждениями, насколько это было возможно, имея форты в подходящих секторах стрельбы, они начали пристрелку по мысу Есаки носовыми плутонгами и башнями, не забывая одновременно бить из всего остального за корму влево и по видимым очагам сопротивления среди транспортов и едва проглядывавших за ними хлипких построек селения Таноура справа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.